

**ЖУКОВ
КОНЕВ
РОКОССОВСКИЙ
ЧУЙКОВ
РУДЕНКО
ЛЕЛЮШЕНКО**

**Дмитрий Данилович Лелюшенко
Василий Иванович Чуйков
Иван Степанович Конев
Георгий Константинович Жуков
Константин Константинович Рокоссовский**
Битва за Берлин. Сборник воспоминаний
Серия «Освобождение Европы»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9290101
Битва за Берлин : сборник воспоминаний: «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-1040-9*

Аннотация

Берлинская операция стала кульминацией Великой Отечественной войны, ее отсроченным финалом, к которому Советская армия рвалась долгих четыре года. Наша страна заплатила миллионами жизней за то, чтобы над рейхстагом развивался красный флаг.

Удивительно, но подробности взятия Берлина не очень хорошо известны широкому читателю до сих пор. Есть простой смысловой ряд в массовом сознании – окружили Берлин, повесили флаг, капитуляция. Но накал и ярость уличных боев в немецкой столице не уступают тем, что шли в Сталинграде.

О последних днях гитлеровской столицы подробно и страшно расскажут те, кто брал штурмом «логово фашистского зверя». Маршалы и генералы Советской армии, которые участвовали в Берлинской операции, по минутам восстанавливают ход сражения, которое определило ход истории на десятилетия.

Содержание

Г.К. Жуков	5
И.С. Конев	33
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Битва за Берлин: сборник воспоминаний (Сборник)

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Г.К. Жуков Берлинская операция

Как заключительная операция Второй мировой войны в Европе Берлинская операция занимает особое место. В этой операции получили окончательное решение важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии и ее место в политической жизни Европы.

Советские Вооруженные Силы, готовясь к последней схватке с фашизмом, к штурму Берлина, строго исходили из согласованной с союзниками политики безоговорочной капитуляции Германии как в области военной, экономической, так и политической. Главной нашей целью на этом этапе войны была полная ликвидация фашизма в общественном и государственном строе Германии и привлечение к строжайшей ответственности всех главных нацистских преступников за их зверства, массовые убийства, разрушения и надругательства над народами в оккупированных странах, особенно на нашей многострадальной земле.

Замысел Берлинской операции в Ставке в основном определился в ноябре 1944 года. Уточнение его проходило в процессе Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Померанской операций.

При разработке плана Берлинской операции учитывались и действия экспедиционных сил союзников, которые в конце марта – начале апреля 1945 года широким фронтом вышли на Рейн и приступили к его форсированию, с тем, чтобы развернуть общее наступление в центральные районы Германии.

Верховное командование союзных войск ближайшей целью своих действий ставило ликвидацию рурской группировки противника и овладение промышленным районом Рура. Затем оно планировало выдвигание американских и английских войск на Эльбу на берлинском направлении. Одновременно разворачивались операции американских и французских войск в южном направлении с целью овладения районами Штутгарта, Мюнхена и выхода в центральные районы Австрии и Чехословакии.

Несмотря на то что решениями Крымской конференции советская зона оккупации была определена далеко западнее Берлина и что советские войска уже находились на Одере и Нейсе (в 60 – 100 километрах от Берлина) и были готовы начать Берлинскую операцию, английское командование все еще продолжало лелеять мечту о захвате Берлина раньше, чем туда придет Красная армия.

Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само Верховное командование экспедиционных сил союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин.

Так, 7 апреля 1945 года, информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил:

– Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать. – И далее: – Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию.

В последние дни марта И.В. Сталин через американскую миссию получил информацию Эйзенхауэра о его плане выхода на согласованную линию на берлинском направлении. Из этого сообщения было видно, что дальнейшее наступление английские и американские войска предполагали развернуть на северо-восток, чтобы выйти в район Любека, и на юго-

восток с целью подавления противника на юге Германии. Ставка к этому времени уже располагала некоторыми сведениями о трениях и противоречиях, которые происходили между английским и американским политическим и военным руководством по поводу стратегических планов.

И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английскими и американскими правительственными кругами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что немцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной армии. 27 марта 1945 года корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелл сообщал о наступлении англо-американских войск: «Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии». В середине апреля 1945 года американский радиобозреватель Джон Гровер констатировал: «Западный фронт фактически уже не существует».

Как же на самом деле происходило наступление англо-американских войск в районе Рейна?

Известно, что у гитлеровцев здесь было довольно слабое прикрытие. В свое время, отойдя за Рейн, немцы могли организовать серьезное сопротивление. Однако этого сделано не было. И прежде всего потому, что основные силы были переброшены на восток против советских войск. Даже в критические для рурской группировки дни верховное немецкое командование за счет своей западной группировки усиливало фронт на востоке против советских войск.

К началу англо-американской кампании немцы располагали на западе крайне ослабленными 60 дивизиями, общая боеспособность которых равнялась 26 штатным дивизиям. У союзников была 91 полнокровная дивизия.

Особое преимущество союзники имели в авиации. Своими авиационными ударами они практически могли в любом районе осуществить полное подавление всякого сопротивления, как на земле, так и в воздухе.

Таким образом, форсирование Рейна американскими и английскими войсками проходило в облегченных условиях, и Рейн был захвачен ими, по существу, без сопротивления немцев.

Не ожидая ликвидации рурской группировки немецких войск, главное командование войск союзников поспешно бросило основные силы на берлинское направление с целью выхода на Эльбу.

Из многочисленных послевоенных бесед с американскими и английскими генералами, в том числе с Эйзенхауэром, Монтгомери, Латром де Тассиньи, Клеем, Робертсоном, Смитом и многими другими, выяснилось, что вопрос о захвате Берлина союзными войсками был окончательно снят лишь тогда, когда на Одере и Нейсе мощный удар артиллерии, минометов, авиации и дружная атака танков и пехоты советских войск потрясли до основания оборону немецких войск.

Когда в Ставке было получено сообщение генерала Эйзенхауэра о его решении нанести два удара – на северо-востоке и на юге Германии – и о том, что американские войска остановятся на согласованной линии на берлинском направлении, И.В. Сталин с уважением отозвался об Эйзенхауэре как о человеке, верном взятым на себя обязательствам. Однако мнение это оказалось преждевременным.

Во время высадки и наступления союзных войск во Франции между Генеральным штабом Красной армии и военными миссиями США и Англии существовала тесная связь, и мы часто обменивались сведениями о дислокации войск противника. Но по мере приближения конца войны мы стали получать сведения от своих союзников, весьма далекие от действительного положения дел.

Позволю себе привести одно письмо начальника Генерального штаба А.И. Антонова главе военной миссии США в СССР генерал-майору Джону Р. Дину.

Главе военной миссии США в СССР
генерал-майору Джону Р. Дину
Уважаемый генерал Дин!

Прошу Вас довести до сведения генерала Маршалла следующее:

20 февраля сего года я получил сообщение генерала Маршалла о том, что немцы создают на Восточном фронте две группировки для контрнаступления: одну в Померании для удара на Торн и другую в районе Вена – Моравска – Острава для наступления в направлении Лодзь. При этом южная группировка должна была включать 6-ю танковую армию СС. Аналогичные сведения были мною получены 12.2 от главы армейской секции английской военной миссии полковника Бринкмана.

Я чрезвычайно признателен и благодарен генералу Маршаллу за информацию, призванную содействовать нашим общим целям, которую он так любезно предоставил нам.

Вместе с тем считаю своим долгом сообщить генералу Маршаллу о том, что боевые действия на Восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную им информацию, ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск, включавшая и 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе Моравска – Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта.

Этот факт показывает, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на Восточном фронте в марте месяце.

Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте.

Несмотря на изложенное, я прошу генерала Маршалла, если можно, продолжать сообщать мне имеющиеся сведения о противнике.

Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации.

Прошу Вас передать генералу Маршаллу мое уважение и признательность.

Уважающий Вас генерал армии Антонов,
начальник Генерального штаба Красной армии.
30 марта 1945 г.

29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

– Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших

направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку. Верховный продолжал:

– Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И.В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении.

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

Взяв погасшую трубку и выбив из нее пепел, И.В. Сталин молча снова набил ее табаком. Раскурив трубку, он вновь подошел к своей карте и долго рассматривал ее, а затем спросил:

– Когда наши войска могут начать наступление на берлинском направлении? Я доложил:

– Через две недели 1-й Белорусский фронт сможет начать наступление, 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

– Ну что ж, – сказал И.В. Сталин, – придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней – не беда.

Затем он подошел к письменному столу, перелистал какие-то бумаги и достал письмо.

– Вот, прочтите.

Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях.

В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

– Ну что вы об этом скажете? – спросил И.В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: – Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все.

Вновь подойдя к письменному столу, он позвонил А.И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А.И. Антонов был в кабинете Верховного.

– Как идут дела у Рокоссовского?

А.И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А.М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

И.В. Сталин молча дал ему прочитать письмо, которое только что показал мне.

А.И. Антонов сказал:

– Это еще одно доказательство закулисных махинаций, которые ведутся между гитлеровцами и английскими правительственными кругами.

Обратившись к А.И. Антонову, Верховный сказал:

– Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом.

На следующий день А.И. Антонов познакомил меня с проектом стратегического плана Берлинской операции, куда полностью был включен план наступления 1-го Белорусского фронта. После внимательного изучения плана Берлинской операции, спроектированного Ставкой, я пришел к выводу, что он был подготовлен хорошо и полностью отвечал сложившейся на тот отрезок времени оперативно-стратегической обстановке.

31 марта в Генштаб прибыл командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев, который тут же включился в рассмотрение общего плана Берлинской операции, а затем доложил и проект плана наступления войск 1-го Украинского фронта.

Насколько память мне не изменяет, все мы были тогда единодушны во всех принципиальных вопросах.

В своих воспоминаниях генерал С.М. Штеменко пишет, что «в процессе обсуждения плана маршал Конев очень разволновался по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, так как она якобы не давала возможности 1-му Украинскому фронту нанести удар по Берлину».

Я не могу этого подтвердить. Справедливости ради позволю себе напомнить здесь выдержку из выступления Маршала Советского Союза И.С. Конева на сборе высшего командного состава в феврале 1946 года.

И.С. Конев сказал тогда: «Тут же товарищ Сталин дал указание о разграничительной линии между фронтами. Причем обращаю внимание, это очень важно, что разграничительная линия была проведена в 50 километрах не доходя до Берлина...»

Это давало возможность командующим фронтами 1-го Белорусского и 1-го Украинского, в зависимости от обстановки, скорректировать свои действия по захвату Берлина».

И это было действительно так.

1 апреля 1945 года Верховный Главнокомандующий заслушал доклад А.И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем – мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И.С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Верховный не согласился с разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба по линии Грос – Гастрозе – Потсдам. Он заштриховал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена (60 километров юго-восточнее Берлина).

Тут же он указал маршалу И.С. Коневу:

– В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И.В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И.С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти.

Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: «У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке.

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы.

Наступление на Берлин было решено начать 16 апреля, не дожидаясь действий 2-го Белорусского фронта, который, по всем уточненным расчетам, мог начать наступление с Одера не ранее 20 апреля.

В ночь на 2 апреля в Ставке в моем присутствии Верховный подписал директиву 1-му Белорусскому фронту о подготовке и проведении операции с целью овладения Берлином и указание в течение 12–15 дней выйти на Эльбу.

Главный удар было решено нанести с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Последние предполагалось ввести в сражение после прорыва обороны противника в обход Берлина с севера и северо-востока, 2-й эшелон фронта (3-ю армию генерал-полковника А.В. Горбатова) намечалось ввести в дело также на главном направлении.

Проект директивы 1-му Украинскому фронту в связи с изменением разграничительной линии и указанием о том, чтобы фронт был готов повернуть танковые армии с юга на Берлин, Верховный Главнокомандующий подписал только 2 апреля после внесения им необходимых исправлений.

Этой директивой 1-му Украинскому фронту предписывалось:

- разгромить группировку противника в районе Котбуса и южнее Берлина;
- изолировать главные силы группы армий «Центр» от берлинской группировки и этим обеспечить с юга удар 1-го Белорусского фронта;
- за 10–12 дней, не позже, выйти на рубеж Беелитц – Виттенберг и далее по реке Эльбе до Дрездена;
- главный удар фронта нанести в направлении на Шпремберг;
- 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии ввести после прорыва в направлении главного удара.

В связи с тем, что 2-й Белорусский фронт все еще вел напряженные боевые действия против немецких войск в районах юго-восточнее Данцига и севернее Гдыни, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение начать перегруппировку основных сил этого фронта на Одер, сменив не позднее 15–18 апреля на участке Кольберг – Шведт 1-ю армию Войска Польского и 61-ю армию 1-го Белорусского фронта. Для окончательной ликвидации вражеской группировки в районах Данцига и Гдыни было приказано оставить там часть сил фронта К.К. Рокоссовского.

Во время обсуждения в Ставке общего плана предстоящих действий на берлинском направлении в основном были определены цели и задачи 2-го Белорусского фронта.

Так как 2-й Белорусский фронт операцию начинал на четверо суток позже, маршал К.К. Рокоссовский не был вызван в Ставку для обсуждения Берлинской операции.

Выходило, что 1-й Белорусский фронт должен был в первые, наиболее напряженные дни наступать с открытым правым флангом, без оперативно-тактического взаимодействия с войсками 2-го Белорусского фронта.

Мы серьезно учитывали не только вынужденное запоздание 2-го Белорусского фронта с началом наступления, но и те трудности, с которыми он неизбежно встретится в процессе форсирования Одера в его нижнем течении. Там река имеет два значительных русла – Ост- и Вест-Одер шириной 150–250 метров и глубиной до 10 метров. По нашим расчетам, 2-й Белорусский фронт сможет достаточно быстро форсировать оба русла реки и создать необходимый плацдарм, но не раньше как за двое-трое суток. Следовательно, его реальное воз-

действие на противника севернее Берлина начнет сказываться где-то 23–24 апреля, то есть тогда, когда 1-й Белорусский фронт должен будет уже штурмовать Берлин.

Конечно, было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но, как я уже говорил выше, учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, Ставка не могла откладывать операцию на более позднее время.

Времени до 16 апреля у нас оставалось мало, а мероприятий, которые надо было срочно провести, очень много. Нужно было организовать перегруппировку войск, подвезти войскам огромный запас материальных средств, осуществить большую всестороннюю оперативно-тактическую и специальную подготовку фронта для такой исключительно важной и необычной операции, как взятие Берлина.

В течение всей войны мне пришлось быть непосредственным участником многих крупных и важных наступательных операций, но предстоящая битва за Берлин была особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта нужно было прорывать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и кончая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем.

Размышляя о предстоящей операции, я не раз возвращался к величайшей битве под Москвой, когда мощные вражеские полчища, сосредоточившись на подступах к столице, наносили сильные удары по оборонявшимся советским войскам. Еще и еще раз перебирал в памяти отдельные эпизоды, анализировал ошибки и промахи сражавшихся сторон. Хотелось до деталей учесть опыт этого сложного сражения, чтобы все лучшее использовать для проведения предстоящей операции и постараться не допустить прошлых ошибок.

Берлинской операцией заканчивали свой победный путь героические советские войска, прошедшие с боями тысячекilометровые расстояния, умудренные опытом крупнейших сражений, закаленные в ожесточенных боях. Они горели желанием быстрее добить врага и закончить войну.

Вечером 1 апреля я позвонил из Москвы начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. С. Малинину и сказал ему:

– Все утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимайте меры. Вылетаю завтра.

Этих лаконичных указаний для Михаила Сергеевича было достаточно, чтобы немедленно начать проведение всех запланированных мероприятий по подготовке операции.

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Метро и широко развитые подземные сооружения давали вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр. Сам город и его пригороды были тщательно подготовлены к упорной обороне. Каждая улица, площадь, переулок, дом, канал и мосты являлись составными элементами общей обороны города.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

С 5 по 7 апреля очень активно, творчески прошли совещания и командная игра на картах и макете Берлина. Участниками этой игры были командармы, начальники штабов

армий, члены Военных советов армий, начальник политуправления фронта, командующие артиллерией армий и фронта, командиры всех корпусов и начальники родов войск фронта. Здесь же присутствовал и начальник тыла фронта, тщательно изучавший вопросы материального обеспечения операции. С 8 по 14 апреля в развитие фронтовой игры проводились более детальные игры и занятия в армиях, корпусах, дивизиях и частях всех родов войск.

Ввиду чрезмерно большой протяженности тыловых коммуникаций фронта, а также расхода значительных материальных запасов на Восточно-Померанскую операцию к началу Берлинской операции еще не были созданы необходимые запасы. Нужны были действительно героические усилия работников тыла фронта и армий. И они оказались на высоте положения.

Готовя операцию, все мы думали над тем, что еще предпринять, чтобы больше ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки с применением прожекторов.

Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов должны были внезапно осветить позиции противника и объекты атаки. Во время подготовки операции ее участникам была показана эффективность действия прожекторов. Все единодушно высказались за их применение.

Во время военной фронтовой игры, в процессе проигрыша прорыва тактической обороны противника на Одере, серьезному обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий.

Учитывая наличие сильной тактической обороны на Зееловских высотах, было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот.

Мы, естественно, не строили своих расчетов на том, что с прорывом тактической обороны наши танковые армии вырвутся на оперативный простор, как это имело место, например, в предыдущих Висло-Одерской, Восточно-Померанской и других операциях. В этих операциях танковые армии уходили на значительное расстояние вперед и своими действиями создавали все условия для стремительного продвижения общевойсковых армий.

В ходе Висло-Одерской операции, например, были моменты, когда 2-я гвардейская танковая армия отрывалась от общевойсковых армий на расстояние до 70 километров. Здесь же этого не предвиделось, так как расстояние до Берлина по прямой линии вообще не превышало 60–80 километров.

Поэтому имелось в виду следующее. Если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника и возникнут опасения, что наступление задержится, тогда ввести обе танковые армии для взлома обороны. Это усилит удар общевойсковых армий и поможет завершению прорыва тактической обороны противника в районе реки Одер и Зееловских высот.

Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт, начинал наступление на четверо суток позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М.Е. Катукова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В.И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение задачи, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И.В. Сталин сказал:

– Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее.

Что же происходило в это время у противника?

Битва за Берлин планировалась немецким верховным командованием как решающая битва на Восточном фронте. Пытаясь воодушевить свои войска, Гитлер в воззвании от 14 апреля писал:

Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...

Оборона основных стратегических направлений на Восточном фронте осуществлялась тремя группами немецких армий. Группа армий «Висла», оборонявшаяся по Одеру, прикрывала подступы к Берлину с северо-востока и востока. Южнее действовала центральная группа армий, оборонявшая Саксонию и подступы к промышленным районам Чехословакии с северо-востока. Южная группа армий прикрывала Австрию и юго-восточные подступы к Чехословакии.

Группа армий «Висла» первоначально готовилась нанести контрудар войскам 1-го Белорусского фронта. Однако после ее разгрома и потери померанского плацдарма оставшиеся войска отошли за Одер и приступили к усиленной подготовке обороны берлинского направления. Для усиления группы армий «Висла» немецкое командование продолжало спешно формировать новые части и соединения, преимущественно эсэсовские. Так, только в одном учебном лагере в районе Дебериц для этой группы армий за короткий срок было сформировано три дивизии.

Оборону непосредственных подступов к Берлину первоначально возглавил Гиммлер, и все руководящие посты здесь были переданы эсэсовским генералам. Этим гитлеровское командование подчеркивало особую ответственность момента. За март-апрель 1945 года на берлинское направление было переброшено с различных направлений девять дивизий.

– Для того чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу предстоящего решительного наступления русских, – показал на допросе во время Нюрнбергского процесса бывший начальник штаба оперативного руководства ставки немецкого верховного командования генерал-полковник Йодль, – нам пришлось расформировать всю резервную армию, то есть все пехотные, танковые, артиллерийские и специальные запасные части, военные училища и военно-учебные заведения и бросить их личный состав на пополнение войск.

Немецкое командование разработало детальный план обороны берлинского направления. Оно надеялось на успех оборонительного сражения на реке Одер, представлявшей собой стратегическое предполье Берлина. В этих целях были осуществлены следующие мероприятия.

Прикрывавшая город 9-я армия генерала Буссе усиливалась людским составом и техникой. В ее тылу формировались новые дивизии и бригады. Укомплектованность соединений первой линии доводилась почти до штатной численности. Особое внимание уделялось сосредоточению и использованию в обороне танков и штурмовой артиллерии.

От Одера до Берлина создавалась сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по нескольку линий окопов. Главная оборонительная полоса имела до пяти сплошных линий траншей. Противник использовал ряд естественных рубежей: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне.

В районе северо-восточнее Берлина формировалась армейская группа Штейнера, которая должна была нанести удар во фланг войскам 1-го Белорусского фронта. Сюда же перебрасывались отборные части морской пехоты.

Кроме того, проводились «специальные мероприятия» по обороне Берлина. Город делился по окружности на восемь секторов обороны. Кроме них имелся еще особый, девятый сектор, охватывавший центр Берлина, где находились правительственные здания, имперская канцелярия и Рейхстаг.

На непосредственных подступах к городу создавались три рубежа обороны: внешняя заградительная зона, внешний оборонительный обвод и внутренний оборонительный обвод. Для этих рубежей использовались населенные пункты, естественные рубежи, а также искусственные сооружения. На улицах города строились тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, возводились бетонированные сооружения. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы.

Был создан штаб обороны Берлина, который предупредил население, что необходимо готовиться к ожесточенным уличным боям, к боям в домах, что борьба будет вестись на земле, в воздухе и под землей. Рекомендовалось использовать метро, подземную канализационную сеть, средства связи. В специальном приказе штаба обороны предлагалось жилые кварталы превратить в крепости. Каждая улица, площадь, каждый переулок, дом, канал, мост становились составными элементами общей обороны города. Созданные для ведения уличных боев двести батальонов фольксштурма проходили специальное обучение.

Для усиления артиллерийской обороны подступов к Берлину и самого города привлекались все силы зенитной артиллерии. Свыше шестисот зенитных орудий крупного и среднего калибра были поставлены на противотанковую и противопехотную оборону города. Кроме того, в качестве огневых точек использовались даже танки, находившиеся на ремонте, но имевшие исправное артиллерийское вооружение. Их закапывали на перекрестках улиц, у железнодорожных мостов. Из членов союза фашистской молодежи «Гитлерюгенд» были сформированы танкоистребительные отряды. Их вооружали фаустпатронами.

На оборонные работы в Берлине было привлечено свыше четырехсот тысяч человек. В городе сосредоточились отборные полицейские и эсэсовские части. Для обороны особого сектора были стянуты многие эсэсовские полки и отдельные батальоны, располагавшиеся в ближайших районах. Возглавил эти эсэсовские войска начальник личной охраны Гитлера Монке.

Немецко-фашистское командование рассчитывало, что ему удастся заставить нас последовательно прогрызать рубеж за рубежом, затянуть сражение до предела, обессилить наши войска и остановить их на ближайших подступах. Они полагали поступить с нашими войсками так же, как советские войска поступили с немецкими на подступах к Москве. Но этим расчетам не суждено было сбыться.

События, предшествовавшие Берлинской операции, развивались так, что скрыть от противника наши намерения было очень трудно. Для всякого, даже не посвященного в военное искусство человека, было ясно, что ключ к Берлину лежит на Одере и вслед за прорывом на этой реке немедленно последует удар непосредственно по Берлину. Немцы ожидали этого.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе генерал Йодль показал:

– Для генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии, оборонявшая Берлин, была введена на передний край. Срочно формирувавшиеся резервы предполагалось сосредоточить севернее Берлина, чтобы впоследствии нанести контрудар во фланг войскам маршала Жукова.

Готовя наступление, мы полностью отдавали себе отчет в том, что немцы ожидают наш удар на Берлин. Поэтому командование фронта во всех деталях продумало, как организовать этот удар наиболее внезапно для противника.

Мы решили навалиться на оборонявшиеся войска противника с такой силой, чтобы сразу ошеломить и потрясти их до основания, обрушив на них авиацию, танки, артиллерию и другие виды оружия. Но чтобы суметь в короткий срок скрытно сосредоточить в районе боевых действий всю эту многочисленную технику и средства, требовалась титаническая и, надо сказать, мастерская работа.

Через всю Польшу двигалось множество эшелонов с артиллерийскими, минометными, танковыми частями. На вид это были совсем не военные эшелоны, на платформах перевозили лес и сено... Но как только эшелон прибывал на станцию разгрузки, маскировка быстро убиралась, с платформы сходили танки, орудия, тягачи и тут же отправлялись в укрытия. Пустые эшелоны возвращались на восток, а вместо них появлялись все новые и новые с боевой техникой. Так на пополнение фронта прибыло большое количество тяжелых орудий, минометов, артиллерийских тягачей и других материальных средств.

29 марта, когда отгремели последние выстрелы в Померании, артиллерия и танки, соблюдая строжайшую маскировку, потянулись на юг. Все леса и рощи по восточному берегу Одера были забиты войсками. На берлинском направлении сосредоточивались десятки тысяч орудий и минометов разных калибров. Для каждого орудия надо было оборудовать огневую позицию, вырыть землянку для расчета, ровики для снарядов.

Днем на плацдарме обычно было пустынно, а ночью он оживал. Тысячи солдат с лопатами, ломками, кирками бесшумно рыли землю. Работа усложнялась близостью подпочвенных весенних вод и начавшейся распутицей. Свыше миллиона восьмисот тысяч кубометров земли было выброшено в ночное время. А наутро никаких следов этой колоссальной работы нельзя было заметить. Все тщательно маскировалось.

По многочисленным дорогам и вне дорог ночью тянулись огромные колонны танков, артиллерии, машин с боеприпасами, горючим и продовольствием. Одних артиллерийских выстрелов к началу операции требовалось сосредоточить 7147000. Чтобы обеспечить успех наступательных действий наших войск, нельзя было допустить никаких перебоев в снабжении. Характер операции требовал безостановочного продвижения боеприпасов с фронтовых складов к войскам, минуя промежуточные звенья: армейские и дивизионные склады.

Железнодорожное полотно было перешито на русскую колею, и боеприпасы подвозились почти до самого Одера. Чтобы представить себе масштаб всех этих перевозок, достаточно сказать, что, если бы выстроить по прямой поезда с грузами, отправленными для этой операции, они растянулись бы более чем на 1200 километров.

У нас была полная уверенность в том, что войска не будут испытывать недостатка в боеприпасах, горючем и продовольствии. И действительно, снабжение было организовано так, что, когда мы начинали штурм самого Берлина, боеприпасов оказалось почти столько же, сколько их было при выходе с плацдарма на Оudere. За время наступления от Одера до Берлина они все время равномерно пополнялись.

В целом проведенная работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и самоходных орудий, 14628 орудий и минометов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок.

Вся эта масса боевой техники, людей и материальных средств была переправлена через Одер. Потребовалось построить большое количество мостов и переправ, которые обеспечили бы не только переброску войск, но и дальнейшее их питание. Ширина Одера местами

доходила до 380 метров, преобладающая глубина до 3-х метров. Начался весенний ледоход. Инженерно-строительные работы протекали в непосредственной близости от линии фронта под систематическим обстрелом артиллерии и минометов противника, при налетах его авиации. Однако к началу выхода соединений в исходные районы через Одер были построены 25 мостов и 40 паромных переправ. Район переправ прикрывался многослойным огнем зенитных орудий и патрулированием многих десятков истребителей.

Начиная с первых чисел февраля противник на Одере действовал все время активно. В течение марта и первой половины апреля ни на один день не прекращалась напряженная борьба за наши плацдармы в районе Кюстрина. Помимо массированных ударов бомбардировочной авиации, для уничтожения мостов и паромных переправ вражеские войска применяли самолеты-снаряды и плавучие мины, но мосты продолжали существовать. Разрушения быстро восстанавливались. Тысячи километров телефонных проводов, зарытых в землю и подвешенных на шесты, были готовы к работе.

На участке главного удара войск фронта артиллерийская плотность создавалась до 270 орудий калибром от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

Одновременно с оперативно-тактической и материальной подготовкой операции Военными советами, политорганами и партийными организациями проводилась большая партийно-политическая работа по подготовке завершающей Берлинской операции.

В эти дни мы отмечали 75-ю годовщину со дня рождения В.И. Ленина. Вся воспитательная работа с войсками была одухотворена именем вождя революции. Партийное сознание бойцов и офицеров в этот исторический период завершения войны было чрезвычайно высоко. Увеличилось количество вступающих в ряды Коммунистической партии. Мне довелось в середине апреля присутствовать на одном из партийных собраний в 416-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии.

Все выступавшие говорили о том, что каждый коммунист в предстоящей операции, особенно при штурме Берлина, должен личным примером увлекать за собой бойцов. С большим подъемом выступали не только коммунисты, но и беспартийные солдаты, заверившие партию в своей готовности быстрее покончить с фашизмом.

Должен сказать доброе слово о члене Военного совета фронта генерал-лейтенанте Константине Федоровиче Телегине, который с большой творческой энергией направлял через политуправление фронта всю партийно-политическую работу в войсках. Он сумел лично побывать во многих частях и подразделениях, призывая бойцов и командиров к боевому подвигу во имя нашей Родины.

Одновременно велась большая разъяснительная работа о лояльном отношении к мирному населению Германии, которое было жестоко обмануто гитлеровцами и теперь испытывало на себе все тяготы войны. Благодаря своевременным указаниям ЦК нашей партии и широкой разъяснительной работе нам удалось избежать нежелательных явлений, которые могли быть проявлены со стороны бойцов, семьи которых так сильно пострадали от зверств и насилия гитлеровцев.

Как я уже говорил, разгром берлинской группировки и взятие Берлина должны были осуществляться 1-м Белорусским фронтом при содействии 1-го Украинского фронта.

Между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами предусматривалось постоянное оперативное и тактическое взаимодействие, которое координировалось и корректировалось Ставкой.

Как уже было сказано, главный удар войска 1-го Белорусского фронта наносили с кюстринского плацдарма. Армии правого крыла фронта (61-я, 1-я армия Войска Польского, 47-я армия, 9-й танковый и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса) имели задачу наступать в обход Берлина с севера. С выходом в район Берлина большая часть этих сил должна была быстро выйти на Эльбу.

В ходе операции Ставка уточнила взаимодействие группы войск правого крыла 1-го Белорусского фронта с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта, выходящей в район Потсдам – Ратенов – Бранденбург, с тем чтобы замкнуть оперативное окружение всей берлинской группировки противника.

Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии противника после прорыва 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одере и Нейсе, при планировании операции нами было решено нанести вспомогательный удар силами 69-й и 33-й армий из района Франкфурт-на-Одере (южнее железной дороги Франкфурт-Берлин) в общем направлении на Бонсдорф.

Ставка приказала командующему 1-м Украинским фронтом нанести удар частью сил правого крыла фронта из района Котбус на Вендиш-Буххольц, с тем чтобы отсечь от Берлина войска 9-й армии и совместно с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта разгромить их.

Ударами 69, 33, 3-й армий 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской, 13-й, частью сил 3-й гвардейской танковой и 28-й армий 1-го Украинского фронта вся двухсоттысячная юго-восточная группировка немецких войск 9-й армии генерала Буссе была отсечена от Берлина и вскоре разгромлена.

Следует подчеркнуть значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе.

Теперь я хотел бы в какой-то степени последовательно напомнить, как проходила историческая Берлинская операция.

За два дня до начала нашего наступления была проведена разведка по всему фронту. 32 разведывательных отряда силой до усиленного стрелкового батальона в течение двух суток 14 и 15 апреля боем уточняли огневую систему обороны противника, его группировки, определяли сильные и наиболее уязвимые места оборонительной полосы.

Эта силовая разведка имела и другую цель. Нам было выгодно заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы при артподготовке наступления 16 апреля накрыть их огнем всей артиллерии и минометов фронта. Разведка 14 и 15 апреля сопровождалась мощным артиллерийским огнем.

Противник принял эту разведку за начало нашего наступления. Достаточно сказать, что в результате действий наших разведывательных отрядов некоторые немецкие части были выбиты из первых позиций, а в отражении наступления разведывательных частей участвовала почти вся немецкая артиллерия.

Произошло то, к чему мы стремились. Противник стал спешно подтягивать на вторую позицию свои резервы. Однако наши войска прекратили продвижение вперед и закрепились на достигнутых рубежах. Это озадачило командование противника. Как потом выяснилось, кое-кто из немецких командующих посчитал наше наступление неудавшимся.

За годы войны враг привык к тому, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали обычно с утра, так как атака пехоты и танков лимитируется дневным светом. Поэтому он не ожидал ночной атаки. Этим мы и решили воспользоваться, осветив объекты атаки зенитными прожекторами.

Глубокой ночью, за несколько часов до начала артиллерийской и авиационной подготовки, я отправился на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала В.И. Чуйкова.

По дороге мне удалось встретиться со многими командирами общевойсковых и танковых соединений и командующим 1-й гвардейской танковой армией генералом М.Е. Катуквым и его начальником штаба генералом М.А. Шалиным. Все они бодрствовали и еще раз проверяли детали боевой готовности вверенных им войск.

Меня обрадовала предусмотрительность генералов М.Е. Катукова и М.А. Шалина. Оказывается, они еще накануне утром послали своих командиров соединений, назначенных к действию в первом эшелоне танковой армии, на наблюдательные пункты командиров корпусов 8-й гвардейской армии, чтобы согласовать подробности взаимодействия и условия ввода в прорыв.

От командующего 1-й гвардейской танковой армией я позвонил в штаб 2-й гвардейской танковой армии С.И. Богданову. В штабе его не оказалось, он был у командарма В.И. Кузнецова. К телефону подошел начальник штаба 2-й гвардейской танковой армии генерал А.И. Радзиевский. На мой вопрос, где командиры соединений, назначенные для действий в передовых эшелонах, А.И. Радзиевский ответил:

– Впереди, в «хозяйствах» Василия Ивановича Кузнецова, в связи с предстоящей работой.

Можно было только радоваться за наших командиров-танкистов, так выросших за годы войны в оперативно-тактическом отношении. Невольно вспомнились первые месяцы войны, когда наши командные кадры из-за недостаточной подготовленности нередко оказывались в тяжелой обстановке и зачастую не находили выхода из нее. А сейчас? Да, с такими опытными кадрами любую задачу можно решить.

С таким настроением прибыл я вместе с членом Военного совета К.Ф. Телегиным и командующим артиллерией фронта В.И. Казаковым на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией В.И. Чуйкова. Здесь уже находились член Военного совета армии А.М. Пронин, начальник штаба армии Белявский, командующий артиллерией Пожарский и другие армейские генералы и старшие офицеры.

Было 3 часа ночи по московскому времени. Во всех частях шла последняя проверка боевой готовности к началу действий. Все происходило деловито, спокойно и в то же время без излишней самоуверенности и недооценки противника. Чувствовалось, что армия готовится драться по-настоящему, как и полагается сражаться с сильным и опытным врагом.

Член Военного совета А.М. Пронин рассказал о большом подъеме в войсках и их желании скорее прорваться к Берлину.

Через полтора часа была полностью закончена проверка. Артподготовку назначили на пять часов утра по московскому времени. Часовые стрелки как никогда медленно двигались по кругу. Чтобы заполнить как-то оставшиеся минуты, мы решили выпить горячего крепкого чая, который тут же, в землянке, приготовила нам девушка. Помнится, ее почему-то звали нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями.

Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте, который с особым старанием был подготовлен начальником инженерных войск 8-й армии.

Отсюда днем просматривалась вся приодерская местность. Сейчас здесь стоял предутренний туман. Я взглянул на часы: было ровно пять утра.

И тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника в первые секунды протрещало несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Казалось, на стороне врага не осталось живого существа. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали

поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню равного ощущения. Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед, их атака сопровождалась двойным мощным огневым валом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй позиции.

Противник, имевший в районе Берлина большое количество самолетов, не смог ночью эффективно использовать свою авиацию, а утром наши атакующие эшелоны находились так близко от войск противника, что их летчики не в состоянии были бомбить наши передовые части, не рискуя ударить по своим.

Гитлеровские войска были буквально подавлены морем огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить, но это никого не смущало.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. Другие бомбардировщики взаимодействовали с войсками утром и днем. В течение первых суток сражения было проведено свыше 6550 самолетовылетов.

На первый день было запланировано только для одной артиллерии миллион сто девяносто семь тысяч выстрелов, фактически было произведено миллион двести тридцать шесть тысяч выстрелов. 2450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага. Оборона противника уничтожалась и подавлялась на глубину до 8 километров, а отдельные узлы сопротивления – на глубину до 10–12 километров.

Вот как рассказал впоследствии об этом дне командир 56-го танкового корпуса немецкий генерал артиллерии Вейдлинг на допросе в штабе фронта:

– 16 апреля в первые же часы наступления русские прорвались на правом фланге 101-го армейского корпуса на участке дивизии «Берлин», создав этим самым угрозу для левого фланга 56-го танкового корпуса. Во второй половине дня русские танки прорвались на участке 303-й пехотной дивизии, входившей в состав 11-го танкового корпуса СС, и создали угрозу нанесения ударов с фланга по частям дивизии «Мюнхеберг». Одновременно русские оказывали сильное давление с фронта на участке моего корпуса. В ночь на 17 апреля части моего корпуса, неся большие потери, были вынуждены отойти на высоты восточнее Зеелов...

Утром 16 апреля на всех участках фронта советские войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появились группы бомбардировщиков. И чем дальше продвигались наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

Зееловские высоты господствовали над окружающей местностью, имели крутые скаты и являлись во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стояли они перед нашими войсками, закрыв собой плато, на котором должно было развернуться сражение на ближних подступах к Берлину.

Именно здесь, у подножия этих высот, немцы рассчитывали остановить наши войска. Здесь они сосредоточили наибольшее количество сил и средств.

Зееловские высоты ограничивали не только действия наших танков, но являлись и серьезным препятствием для артиллерии. Они закрывали глубину обороны противника, делали невозможным наблюдение ее с земли с нашей стороны. Артиллеристам приходилось преодолевать эти трудности усилением огня и зачастую стрелять по площадям.

Для противника удержание этого важнейшего рубежа имело еще и моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин! Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала решающее

значение и непреодолимость Зееловских высот, называя их то «замком Берлина», то «непреодолимой крепостью».

К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять.

Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М.Е. Каткуова и С.И. Богданова. В 14 часов 30 минут я уже видел со своего наблюдательного пункта движение первых эшелонов 1-й гвардейской танковой армии.

В 15 часов я позвонил в Ставку и доложил, что первая и вторая позиции обороны противника нами прорваны, войска фронта продвинулись вперед до шести километров, но встретили серьезное сопротивление у рубежа Зееловских высот, где, видимо, в основном уцелела оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий я ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника.

И.В. Сталин внимательно выслушал и сказал:

– Выходит, вы недооценили врага на берлинском направлении. Я считал, что вы уже на подходе к Берлину, а вы все еще на Зееловских высотах. У Конева дела начались успешнее. Не изменить ли границы между фронтами и не повернуть ли главные силы Конева и Рокоссовского на Берлин.

– У Конева оборона противника оказалась слабой, – продолжал И.В. Сталин. – Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед без особого сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела.

Вечером я вновь доложил Верховному о затруднениях на подступах к Зееловским высотам и сказал, что раньше завтрашнего дня этот рубеж взять не удастся.

На этот раз И.В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем.

– Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка, – сказал он резко и добавил:

– Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

– Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмем затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укрепленном городе.

– Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера, – сказал И.В. Сталин.

Я ответил:

– Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера.

– До свидания, – довольно сухо сказал И.В. Сталин и вместо ответа положил трубку.

Настроение у меня было неважным. Но я знал И.В. Сталина: даже когда не ладились мелочи, он очень раздражался.

Вскоре начальник штаба фронта М.С. Малинин сказал мне, что получена директива Ставки 1-му Украинскому и 2-му Белорусскому фронтам. В ней значилось: И. С. Коневу – наступать 3-й гвардейской танковой армией через Цоссен на Берлин с юга, 4-й гвардейской танковой армии выйти в район Потсдама, а К.К. Рокоссовскому ускорить форсирование Одера и частью сил наступать в обход Берлина с севера.

Чтобы не расстраивать начштаба фронта, а он, надо сказать, был весьма чувствителен к подобным явлениям со стороны высших инстанций, я сказал, что мне это все было известно еще вчера из разговора с И.В. Сталиным.

С раннего утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения. Враг отчаянно сопротивлялся. Однако к вечеру, не выдержав удара танковых армий, введенных накануне, которые во взаимодействии с общевойсковыми армиями пробili на ряде участков оборону на Зееловских высотах, противник начал отступать. Утром 18 апреля Зееловские высоты были взяты.

Прорвав оборону зееловского рубежа, мы получили возможность ввести в сражение все танковые соединения уже на широком фронте.

Однако и 18 апреля противник все еще пытался остановить продвижение наших войск, бросая навстречу им все свои наличные резервы и даже части, снятые с обороны Берлина. Только 19 апреля, понеся большие потери, немцы не выдержали мощного напора наших танковых и общевойсковых армий и стали отходить на внешний обвод Берлинского района обороны. За эти три дня И.В. Сталин мне не звонил. Не звонил и я ему.

Несколькими днями позже М.С. Малинин доложил мне, что получено указание Ставки об отмене директивы К. К. Рокоссовскому, предписывавшей 2-му Белорусскому фронту наступать в обход Берлина с севера.

Есть такая пословица: «Поспешись – людей насмешишь». Так получилось и с этой директивой Ставки.

Было ясно, что войска 2-го Белорусского фронта, форсируя сложнейшую водную систему на Одере и, преодолевая там оборону немцев, не смогут раньше 23 апреля двинуться всеми силами в наступление. Как же можно было в этих условиях ставить задачу К.К. Рокоссовскому не позже 22-го числа развивать наступление в обход Берлина с севера?

Как показал действительный ход событий, развивать наступление главными силами 2-й Белорусский фронт мог не раньше 24 апреля, тогда, когда в Берлине уже шли уличные бои, а правофланговая группировка войск 1-го Белорусского фронта к этому времени уже обошла город с севера и северо-запада.

В ходе сражений 16 и 17 апреля, да и потом я еще и еще раз возвращался к анализу построения операции войск фронта, с тем, чтобы убедиться, нет ли в наших решениях ошибок, которые могут привести к срыву операции.

Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник мог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя. Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями и командующий артиллерией фронта В.И. Казаков, которому следовало бы при планировании артиллерийского наступления предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой все стало ясно, куда легче рассуждать, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И все же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере – Фюрстенвальде – центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта нанесла бы удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада, 1-й Украинский фронт нанес бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и инженерными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей.

Что касается наступления 2-го Белорусского фронта, его можно было бы организовать несколько проще.

Как известно, 2-й Белорусский фронт не только не имел фактической возможности раньше 20 апреля начать наступление, но и начал его в крайне сложных и трудных условиях форсирования двух широких и глубоководных русл реки Одер.

Можно было оставить на участке Штеттин – Шведт небольшое прикрытие, главные силы фронта сосредоточить южнее Шведта и примкнуть их к правому крылу 1-го Белорусского фронта, а может быть, даже развернуть действия из-за его фланга (форсировавшего Одер), нанося удар в северо-западном направлении, отрезав штеттин-шведтскую группу противника.

По ряду причин, и в первую очередь субъективного порядка, при рассмотрении и утверждении плана в Ставке эти варианты не фигурировали. Верховное Главнокомандование проводило в жизнь вариант удара широким фронтом. Для Ставки он был несколько проще, но с точки зрения оперативно-стратегического искусства недостаточно оригинален, а следовательно, менее эффективен.

Но вернемся к событиям тех дней.

В первые дни сражений танковые армии 1-го Белорусского фронта не имели никакой возможности вырваться вперед. Им пришлось драться в тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями. Несколько успешнее действовала 2-я гвардейская танковая армия генерала С.И. Богданова совместно с 3-й и 5-й ударными армиями. К тому же на ее направлении после 18 апреля сопротивление противника было несколько слабее.

Наступление 1-го Украинского фронта с первого же дня развивалось более быстрыми темпами. Как и ожидалось, на направлении его удара оборона противника была слабая, что и позволило с утра 17 апреля ввести там в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20–25 километров, форсировали реку Шпрее и с утра 19 апреля начали продвигаться на Цоссен и Луккенвальде.

Однако при подходе войск И.С. Конева к району Цоссена сопротивление со стороны противника усилилось, темп продвижения частей 1-го Украинского фронта замедлился. К тому же и характер местности затруднял танковой армии П.С. Рыбалко действия развернутым боевым порядком. По этому поводу командующий фронтом И.С. Конев передал генералу П.С. Рыбалко следующую радиограмму:

Тов. Рыбалко. Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут – Луккенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком... Исполнение донести. Конев. 20.4.45 г.

20 апреля в 13 часов 50 минут, на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, которой командовал генерал-полковник В.И. Кузнецов, открыла огонь по Берлину. Начался исторический штурм столицы фашистской Германии. В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А.И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий ворвались на окраины Берлина и завязали там бои. 61-я армия, 1-я армия Войска Польского и другие соединения 1-го Белорусского фронта быстро двигались, обойдя Берлин, на Эльбу, где предполагалась встреча с войсками союзников.

Большую партийно-политическую работу по обеспечению высокого наступательного духа воинов проводили политотделы наступающих войск – 47-й армии (начальник политотдела полковник М.Х. Калашник), 61-й армии (начальник политотдела генерал-майор А.Г. Котиков), 2-й гвардейской танковой армии (начальник политотдела полковник М.М. Литвяк), 3-й ударной армии (начальник политотдела полковник Ф.Я. Лисицын), 5-й ударной армии (начальник политотдела генерал-майор Е.Е. Кошечев).

Военный совет фронта обратился к войскам со следующим воззванием:

Бойцам, сержантам, офицерам
и генералам 1-го Белорусского фронта.

Дорогие товарищи!

Настал решающий час боев. Перед вами Берлин, столица германского фашистского государства, а за Берлином – встреча с войсками наших союзников и полная победа над врагом. Обреченные на гибель остатки немецких частей еще продолжают сопротивляться. Немецкое командование выскребает свои последние остатки фольксштурмовских резервов, не щадит ни стариков, ни 15-летних детей и пытается сдержать наше наступление, чтобы оттянуть на час свою гибель.

Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы! Ваши части покрыли себя неувядаемой славой. Для вас не было препятствий ни у стен Сталинграда, ни в степях Украины, ни в лесах и болотах Белоруссии. Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы сейчас преодолели на подступах к Берлину.

Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин, и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться. Обрушим же на врага всю мощь нашей боевой техники, мобилизуем всю нашу волю к победе, весь разум. Не посрамям своей солдатской чести, чести своего боевого знамени.

На штурм Берлина – к полной и окончательной победе, боевые товарищи! Дерзостью и смелостью, дружной согласованностью всех родов войск, хорошей взаимной поддержкой сметать все препятствия и рваться вперед, только вперед, к центру города, к его южным и западным окраинам – навстречудвигающимся с запада союзным войскам. Вперед к победе!

Военный совет фронта верит, что славные воины 1-го Белорусского фронта с честью выполнят возложенную на них задачу, сметут с лица земли последние препятствия и с новой победой и славой водрузят свое боевое знамя над Берлином.

Вперед на штурм Берлина!

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта

генерал-лейтенант К. Телегин.

Чтобы всемерно ускорить разгром обороны противника в самом Берлине, было решено 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии бросить вместе с 8-й гвардейской, 5-й ударной, 3-й ударной и 47-й армиями в бой за город. Мощным огнем артиллерии, ударами авиации и танковой лавиной они должны были быстро подавить вражескую оборону в Берлине.

Следует отметить важное обстоятельство: пространственного размаха, соответствующего маневренным возможностям танковых войск, тогда уже не было.

23 – 24 апреля войска 1-го Белорусского фронта громили гитлеровцев на подступах к центру Берлина. В южной части города завязали бой части 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетцина с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Таким образом, берлинская группировка врага общей численностью более 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Введенная в дело из резерва фронта 3-я армия генерала А.В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер – Шпрее и используя успех 1-й гвардейской танковой армии, быстро вышла в район Кенигсвустер-хаузен. Отсюда, резко повернув на юг и юго-восток, она нанесла удар на Тойпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла войск 1-го Украинского фронта, наступавшими в северо-западном направлении. Плотное замкнулось кольцо окружения вокруг вражеской группировки юго-восточнее Берлина районе Вендиш-Буххольц.

Успешно развивались бои и в самом Берлине. Когда войска фронта ворвались в столицу Германии, оборона города в некоторых районах уже ослабла, так как часть войск берлинского гарнизона была снята немецким командованием для усиления обороны на Зееловских высотах. Поэтому на некоторых окраинах города противник не мог оказывать упорного сопротивления. Наши части быстро нащупывали эти районы и, маневрируя, обходили главные очаги сопротивления.

Но с подходом к центральной части города сопротивление резко усилилось. Ожесточение борьбы нарастало с обеих сторон. Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества, которые давали им перед наступающей стороной бои в своем городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск.

Река Шпрее в самом городе с ее высокими цементированными берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания в центре города. Каждый дом здесь был превращен в опорный пункт и защищался гарнизоном, нередко силой до батальона.

Наше наступление не прекращалось ни днем, ни ночью. Все усилия были направлены на то, чтобы не дать возможности противнику организовать оборону в новых опорных пунктах. Боевые порядки армий были эшелонированы в глубину. Днем наступали первым эшелоном, ночью – вторым.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами, районами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления в самом городе.

Каждой армии, штурмовавшей Берлин, заранее были определены полосы наступления. Частям и подразделениям давались конкретные объекты – районы, улицы, площади. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города.

Главную тяжесть боев в центральной части Берлина приняли на себя штурмовые группы и штурмовые отряды, составленные из всех родов войск.

Задача уличных боев в Берлине заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать свои силы в кулак, расколоть гарнизон на отдельные очаги и в быстром темпе уничтожить их.

Для ее решения к началу операции были созданы необходимые предпосылки. Во-первых, наши войска на подступах к городу перемололи значительную часть живой силы и техники противника. Во-вторых, быстро окружив Берлин, мы лишили немцев возможности маневрировать резервами. В-третьих, и сами резервы немцев, стянутые к Берлину, были быстро разгромлены.

Все это позволило нам, несмотря на многочисленные препятствия, сократить до минимума уличные бои и облегчить войскам условия уничтожения вражеской обороны внутри города.

Каждая атака пехоты и танков сопровождалась массированными ударами артиллерии и авиации, которые наносились на всех участках фронта. 11 тысяч орудий разного калибра через определенные промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано миллион восемьсот тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла.

На третий день боев в Берлине по специально расширенной колее к Силезскому вокзалу были поданы крепостные орудия, открывшие огонь по центру города. Вес каждого снаряда составлял полтонны.

Оборона Берлина разлеталась в пух и прах.

– К 22 апреля, – показал Кейтель на допросе, – стало ясно, что Берлин падет, если не будут сняты все войска с Эльбы для переброски против наступающих русских. После совместного совещания Гитлера и Геббельса со мной и Йодлем было решено: 12-я армия оставляет против американцев слабые арьергарды и наступает против русских войск, окруживших Берлин.

Йодль показал:

– 22 апреля Геббельс спросил меня: можно ли военным путем предотвратить падение Берлина. Я ответил, что это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска и бросим их на защиту Берлина. По совету Геббельса я доложил свои соображения фюреру, он согласился и дал указание Кейтелю и мне вместе со штабом находиться вне Берлина и лично руководить контрнаступлением.

Командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг на допросе показал:

– 25 апреля Гитлер заявил мне: «Положение должно улучшиться (!). 9-я армия подойдет к Берлину и нанесет удар по противнику вместе с 12-й армией. Этот удар последует по южному фронту русских. С севера подойдут войска Штейнера и нанесут удар по северному крылу».

Все эти планы были фантазией Гитлера и его окружения, уже потерявших способность мыслить реально. В ночь на 23 апреля Кейтель выехал из Берлина в штаб 12-й армии, имея задачу соединить ее с 9-й армией. На следующий день он просто не смог вернуться в город. Советские войска громили обе эти армии.

Ежедневно за подписью Гитлера передавались истерические радиотелеграммы подобного содержания: «Где 12-я армия?»; «Почему Венк не наступает?»; «Где Шернер?»; «Немедленно наступать!»; «Когда вы начнете наступать?»...

В связи с тем, что действия войск 5-й ударной армии под командованием генерал-полковника Н.Э. Берзарина почти не освещены в нашей печати, я хочу рассказать о некоторых ее героических действиях. Одни я наблюдал лично, о других был информирован командованием армии и командирами соединений.

Учитывая особую важность боевой задачи этой армии – овладение районом правительственных кварталов, расположенных в центре города, в том числе имперской канцелярией, где находилась ставка Гитлера и где он укрывался сам со своими соратниками, мы усилили ее, кроме ранее приданных средств, 11-м танковым корпусом генерала И.И. Ющука.

Наиболее сложной задачей на первом этапе был штурм сильно укрепленного Силезского вокзала и форсирование реки Шпрее с ее высокими бетонными берегами.

Первыми ворвались в Берлин с востока войска, входившие в состав 26-го гвардейского корпуса генерала П.А. Фирсова и 32-го корпуса генерала Д.С. Жеребина:

– 94-я гвардейская дивизия (командир генерал И.Г. Гаспарян, начальник политотдела полковник С. В. Кузовков, начальник штаба подполковник Б.И. Баранов);

– 89-я гвардейская дивизия (командир генерал М.П. Серюгин, начальник политотдела полковник П.Х. Гордиенко, начальник штаба полковник А.Ф. Кабанов);

– 266-я дивизия (командир полковник С.М. Фомиченко, начальник политотдела полковник В. И. Логинов, начальник штаба подполковник К.Е. Киреев);

– 60-я гвардейская дивизия (командир генерал В.П. Соколов, начальник политотдела полковник И.Н. Артамонов, начальник штаба полковник Ю.С. Иванов);

– 416-я дивизия (командир генерал Д.М. Сызранов, начальник политотдела полковник Р.А. Меджидов, начальник штаба подполковник П.П. Пашкин);

– 295-я дивизия (командир генерал А.П. Дорофеев, начальник политотдела полковник Г.Т. Луконин, начальник штаба подполковник В.П. Литвинов).

Почти четыре года ждали этого исторического момента наши героические воины, прошедшие долгий путь от Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Северного Кавказа, Курской дуги, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других районов страны. И вот этот час, час окончательной расплаты с фашизмом, наступил. Трудно передать словами охватившее всех советских воинов волнение.

Вот что вспоминает командир орудия 6-й батареи 832-го артполка 266-й стрелковой дивизии старший сержант Николай Васильев:

– Уже под вечер наша батарея вышла на высоты, и мы увидели огромный город. Чувство радости и ликования охватило нас: это был последний вражеский рубеж, и час расплаты настал!.. Мы даже не заметили, как подъехала машина и из нее вышел наш командующий генерал Берзарин. Поприветствовав нас, он приказал нашему командиру: «По фашистам в Берлине – огонь!» Наверное, мы никогда так стремительно и слаженно не действовали, ведя огонь. Адьютант командарма подошел ко мне и записал мою фамилию и номер гаубицы. После войны моя гаубица № 2586 была отправлена в Москву в Музей Советской Армии.

На снарядах батареи санинструктор Маланья Юрченко написала: «За Сталинград, за Донбасс, за Украину, за сирот и вдов. За слезы матерей!»

При штурме восточной части Берлина в боях особенно отличились 286-й гвардейский стрелковый полк 94-й гвардейской дивизии (командир подполковник А.Н. Кравченко) и 283-й гвардейский стрелковый полк той же дивизии под командованием подполковника А.А. Игнатьева.

Бойцы рвались вперед, проявляя массовый героизм. Убедившись, что лобовой атакой трудно захватить сильно укрепленный угловой дом, мешавший продвижению полка, парторг роты 283-го гвардейского полка Алексей Кузнецов с группой бойцов скрытными путями обошел этот дом и ударил по фашистам с тыла. Опорный пункт врага был захвачен.

Беспримерную отвагу проявил старший лейтенант И.П. Украинцев из 283-го гвардейского полка. При атаке одного из домов бой перешел в рукопашную схватку. Он бросился на врагов. Девять фашистов заколол отважный офицер. Следуя его примеру, гвардии сержант Степан Гробазай со своим отделением истребил несколько десятков гитлеровцев.

В этих боях пал героической смертью замечательный вожак комсомольцев 94-й гвардейской дивизии, помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе капитан Николай Горшелев. Личным боевым примером он воодушевлял солдат, всегда находясь там, где решался успех боя. Его уважали и любили воины дивизии за отвагу и душевную заботу о солдатах и офицерах.

23 апреля наибольшего успеха в штурме Берлина добился 9-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора И.П. Рослого. Воины этого корпуса решительным штурмом овладели Карлсхорстом, частью Копеника и, выйдя к Шпрее, с ходу форсировали ее.

Здесь, как мне рассказывали, в боях особенно отличился штурмовой отряд во главе с заместителем командира дивизии подполковником Ф.У. Галкиным. После захвата Карлсхорста отряд при наступлении на Трептов-парк с ходу захватил крупнейшую электростанцию Берлина – Румельсбург, которую гитлеровцы подготовили к взрыву. Когда отряд Ф.У. Галкина ворвался на электростанцию, она была на полном ходу. Станцию немедленно разминировали. С оставшимися рабочими был установлен полный контакт. Они взяли на себя обязательство по техническому обслуживанию электростанции.

За организованность, мужество и героизм, проявленные при захвате электростанции Румельсбург, стремительное форсирование реки Шпрее, за овладение рядом объектов подполковнику Ф.У. Галкину, подполковнику А.М. Ожогину и подполковнику А.И. Левину было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании реки Шпрее смело действовала 1-я бригада речных кораблей Днепровской военной флотилии, особенно отряд полуглиссеров этой бригады во главе с командиром лейтенантом М.М. Калинин. Несмотря на сильный огонь противника, старшина 1-й статьи Георгий Дудник на своем катере перебросил на вражеский берег несколько стрелковых рот 301-й стрелковой дивизии.

Во время переправы от прямого попадания вражеской мины на катере возник пожар. Старшина Георгий Дудник был тяжело ранен. Невзирая на ранение и ожоги, он довел катер до берега, высадил десант, потушил на катере пожар и отправился обратно на свой берег. Но он не достиг его и погиб от минометного огня...

Моторист другого катера А.Е. Самохвалов во время переправы наших частей проявил исключительную смелость и находчивость. Под огнем противника он устранял повреждения на катере, а когда от неприятельского огня погиб его командир, взял на себя командование и продолжал переправу наших войск.

За боевую доблесть и героизм, проявленные моряками 1-й Бобруйской бригады Днепровской флотилии, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года были удостоены звания Героя Советского Союза лейтенант М.М. Калинин, старшины Г.Г. Дудник, Г.П. Казаков и А.П. Пашков, матросы Н.А. Баранов, А.Е. Самохвалов, М.Т. Сотников, Н.А. Филиппов и В.В. Черинов. Днепровская краснознаменная флотилия была награждена орденом Ушакова 1 степени.

24 апреля 5-я ударная армия, ведя ожесточенные бои, продолжала успешно продвигаться к центру Берлина – к площади Александерплац, к дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше и имперской канцелярии.

Учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, а также особо выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Н.Э. Берзарина, 24 апреля командование назначило его первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина.

В те дни писатель Всеволод Вишневский в своем дневнике сделал такую запись: «Комендантом города назначен командующий Н-ской ударной армией генерал-полковник Берзарин. Это один из культурнейших генералов Красной армии. У него есть масштаб».

Николай Эрастович Берзарин был преданный сын Коммунистической партии, патриот Родины, опытный, волевой, дисциплинированный командир. Командуя армиями, Н.Э. Берзарин – в Яско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской операциях проявил себя талантливым военачальником. К разработке операций и руководству войсками относился вдумчиво, творчески выполняя приказы высшего командования. В своей работе он всегда опирался на коммунистов, комсомольцев и на актив беспартийных воинов.

Ему хорошо помогал в делах армейских член Военного совета генерал-лейтенант Ф.Е. Боков. Работая ранее в Генеральном штабе, Ф.Е. Боков получил значительный опыт в оперативных вопросах и организации операций.

С нарастающим ожесточением 25 апреля шли бои в центре Берлина. Противник, опираясь на крепкие узлы обороны, оказывал упорное сопротивление.

Наши войска несли большие потери, но, воодушевленные успехами, рвались вперед – к самому центру Берлина, где все еще находилось главное командование противника во главе с Гитлером. Об этом мы хорошо знали из немецких радиопередач. Гитлер истерично призывал свои армии к спасению Берлина, не зная, что они уже разбиты войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

29 апреля в центре города развернулись наиболее ожесточенные сражения.

На ратушу наступали 1008-й стрелковый полк (командир полковник В.Н. Борисов) и 1010-й полк (командир полковник М.Ф. Загоровский) 266-й стрелковой дивизии. Много волнующих подвигов совершили воины этой дивизии, о которых мне в те дни рассказывали непосредственные участники штурма.

Батальон капитана Н.В. Бобылева получил задачу пробиться к ратуше и совместно с батальоном майора М.А. Алексеева овладеть ею. наших воинов, наступавших при поддержке танков, самоходной артиллерии, встретил такой сильный шквал огня, что продвижение по улице стало просто невозможным.

Тогда решено было пробиваться к ратуше через стены зданий, делая проходы в них взрывчаткой. Под огнем противника саперы закладывали тол и одну за другой взрывали стены домов. Еще не успевал разойтись дым от взрывов, как в проходы бросались штурмовые группы и после рукопашной схватки очищали от неприятеля здания, прилегающие к ратуше.

В бой были введены танки и тяжелые самоходные орудия. Несколькими выстрелами они разбили тяжелые железные ворота ратуши, проделали пробоины в стенах, одновременно ставя дымовую завесу. Все здание заволкло густым дымом.

Первым сюда ворвался взвод лейтенанта К. Маденова. Вместе с отважным лейтенантом смело действовали бойцы Н.П. Кондрашев, К.Е. Крютченко, И.Ф. Кашпуровский и другие. Они закидали вестибюль и коридоры ручными гранатами. Каждую комнату приходилось брать с бою.

Комсорг 1-го батальона 1008-го стрелкового полка младший лейтенант К.Г. Громов пролез на крышу ратуши. Сбросив на мостовую фашистский флаг, Константин Громов водрузил над ратушей наше Красное знамя. За героизм и мужество, проявленные в этих боях, Константину Григорьевичу Громову было присвоено звание Героя Советского Союза.

5-я ударная армия, успешно наступавшая в центре Берлина, хорошо взаимодействовала с 3-й ударной и 2-й гвардейской танковой армиями, 8-й гвардейской армией, 16-й воздушной армией и другими частями. Быстрый успех, который был достигнут в сражениях за центр Берлина, явился следствием умелой организации взаимодействия между всеми армиями, наступавшими с востока, северо-востока и севера.

Здесь я прежде всего должен отметить блестящую работу начальника штаба 5-й ударной армии генерала А.М. Куцева, его заместителя генерала С.П. Петрова, начальника раз-

ведотдела А.Д. Синяева, парторга штаба В.К. Попова, начальника связи В.Ф. Фалина и других офицеров штаба.

Итак, развязка подходила к концу.

На что же надеялось гитлеровское руководство в этот критический для Германии момент?

Кейтель на допросе показал:

– Еще с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени, надеясь на то, что в войне, в которой с обеих сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии и различные флоты, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинации различных сил. Таким образом, мы вели войну в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которых не случилось.

В момент падения Берлина Гитлер уже не мог рассчитывать на эти события и выбросил лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских».

Пленные немецкие солдаты в Берлине показывали: «Офицеры утверждали, что все силы будут приложены к тому, чтобы не допустить захвата Берлина русскими. Из двух зол будет выбрано меньшее. Если сдавать город, то только американцам».

Сражение в Берлине подошло к своему кульминационному моменту. Всем нам хотелось покончить с берлинской группировкой к 1 мая, чтобы порадовать наш народ. Но враг, хотя и был в агонии, все же продолжал драться, цепляясь за каждый дом, за каждый подвал, за каждый этаж и крышу.

Несмотря на это ожесточенное, но бессмысленное сопротивление, советские воины брали квартал за кварталом. Войска генералов В.И. Кузнецова, Н.Э. Берзарина, С.И. Богданова, М.Е. Катукова и В.И. Чуйкова все ближе продвигались к центру Берлина.

30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти советского народа и в истории его борьбы с фашистской Германией.

В этот день, в 14 часов 25 минут, войсками 3-й ударной армии (командующий генерал-полковник В.И. Кузнецов, член Военного совета генерал А.И. Литвинов) была взята основная часть здания Рейхстага.

За Рейхстаг шла кровопролитная битва. Подступы к нему прикрывались массивными зданиями, входившими в систему девятого центрального сектора обороны Берлина. Район Рейхстага обороняли отборные эсэсовские части общей численностью около шести тысяч человек, оснащенные танками, штурмовыми орудиями и многочисленной артиллерией

Вот как разворачивались события. Непосредственный штурм Рейхстага осуществляла 150-я стрелковая Идрицкая дивизия (3-й ударной армии), во главе которой стоял опытный генерал, Герой Советского Союза В.М. Шатилов. Дивизию поддерживала 23-я танковая бригада и другие части армии. Общий штурм Рейхстага осуществлял усиленный 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии в составе 150-й стрелковой дивизии и 171-й стрелковой дивизии под командованием полковника А.И. Негоды и 23-й танковой бригады Командовал корпусом талантливый командир – Герой Советского Союза Семен Никифорович Переверткин, один из активнейших участников битвы под Москвой в 1941 году.

Еще 22 апреля соединения 79-го стрелкового корпуса ворвались в Берлин. Продвигаясь вперед, они освобождали квартал за кварталом. Благодаря их успешным действиям создавалась реальная возможность для 3-й ударной армии нанести удар по центру Берлина с севера

79-й стрелковый корпус был повернут на юг с целью овладения северной частью города и развития наступления на районы Плетцензее, Моабит.

К вечеру 26 апреля части корпуса форсировали Фербиндунгс-канал и овладели станцией Бойсельштрассе, а в ночь на 27 апреля была очищена от противника северо-западная

часть района Моабит. Передовые части 150-й и 171-й стрелковых дивизий вышли к главной берлинской электростанции, к станции Путлицштрассе, к театру «Комише Опер».

150-я стрелковая дивизия в этих боях овладела тюрьмой Моабит, где были освобождены тысячи военнопленных и политических узников. Здесь, как и в тюрьме Плетцензее, воины Красной армии обнаружили машины для обезглавливания – гильотины.

В боевом распоряжении № 0025 от 28 апреля 1945 года генерал-майора С.Н. Переверткина были поставлены задачи соединениям 79-го стрелкового корпуса на овладение Рейхстагом:

...3. 150-й стрелковой дивизии – одним стрелковым полком – оборона на р. Шпрее. Двумя стрелковыми полками продолжить наступление с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть западной частью Рейхстага...

4. 171-й стрелковой дивизии продолжать наступление в своих границах с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть восточной частью Рейхстага...

Командир 79-го стрелкового корпуса

генерал-майор Переверткин.

Начальник штаба полковник Летунов

150-я и 171-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й танковой бригадой подполковника М.В. Морозова, в ночь на 29 апреля на направлении главного удара корпуса действиями передовых батальонов под командованием капитана С.А. Неустроева и старшего лейтенанта К.Я. Самсонова захватили мост Мольтке.

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 апреля шли ожесточенные бои в непосредственной близости от Рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий готовились к штурму Рейхстага.

В 11 часов 30 апреля после артиллерийского и минометного налета штурмовые батальоны полков этих дивизий и группы артиллеристов-разведчиков майора М.М. Бондаря и капитана В.Н. Макова перешли в атаку, пытаясь с трех направлений захватить здание Рейхстага.

В 13 часов после 30-минутной повторной артподготовки началась новая стремительная атака. Завязался огневой и рукопашный бой непосредственно перед зданием Рейхстага и за главный вход.

В 14 часов 25 минут батальон старшего лейтенанта К.Я. Самсонова 171-й стрелковой дивизии, батальон капитана С.А. Неустроева и батальон майора В.И. Давыдова 150-й стрелковой дивизии ворвались в здание Рейхстага.

Но и после овладения нижними этажами Рейхстага гарнизон противника не сдавался. Шел ожесточенный бой внутри здания.

В 18 часов был повторен штурм Рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий очищали от противника этаж за этажом. В 21 час 50 минут 30 апреля сержант М.А. Егоров и младший сержант М.В. Кантария водрузили врученное им Военным советом армии Красное знамя над главным куполом Рейхстага.

Командующий 3-й ударной армией генерал В.И. Кузнецов, лично наблюдавший за историческим боем взятия Рейхстага, около 15 часов 30 минут позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил:

– На Рейхстаге реет наше Красное знамя! Ура, товарищ маршал!

– Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг вверенных вам войск никогда не будет забыт советским народом. А как дела с Рейхстагом?

– В некоторых отсеках верхних этажей и в подвалах здания все еще идет бой, – сказал В.И. Кузнецов.

В приказе Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06 от 30 апреля 1945 года значилось:

1. Район Рейхстага в городе Берлин обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Противник в районе Рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного здания Рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки.

2. Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ...подняли на нем наш Советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова.

3. Поздравляя с одержанной победой, за проявленную храбрость, умелое и успешное выполнение боевой задачи всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам 171-й и 150-й стрелковых дивизий и непосредственно руководившему боем командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Переверткину объявляю благодарность. Военному совету 3-й ударной армии наиболее отличившихся в боях за Рейхстаг бойцов, сержантов, офицеров и генералов представить к правительственным наградам.

4. Близится час окончательной победы над врагом. Наш Советский флаг уже развеивается над главным зданием Рейхстага в центре города Берлин.

Товарищи бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Белорусского фронта! Вперед на врага – последним стремительным ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной и полной победы над фашистской Германией.

Приказ объявить во всех ротах, эскадронах и батареях войск фронта.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта

генерал-лейтенант К. Телегин.

Начальник штаба 1-го Белорусского фронта

генерал-полковник М. Малинин

К концу дня 1 мая гитлеровцы, находившиеся в Рейхстаге в количестве около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Только отдельные группы фашистов, засевшие в разных отсеках подвалов Рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2 мая.

Комендантом Рейхстага был назначен командир полка 150-й стрелковой дивизии полковник Федор Матвеевич Зинченко.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России, из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских и других республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить здесь справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев, но раненые не покидали строя. Все стремились вперед. Будто и не было четырех лет войны: все воспрянули духом, чтобы свершить великое дело – водрузить Знамя Победы в Берлине.

Смертельно раненный красноармеец Меленчук обагрив своей кровью платок и, имея сил двигаться, попросил товарищей:

– Донесите мой флаг до Берлина и водрузите там!

Много вдохновения, героизма и дерзости проявили в боевых действиях наши воины. Зрелость нашей армии, ее рост за годы войны полностью отразились в берлинском сражении. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы показали себя в Берлинской операции творчески зрелыми, решительными и отчаянно смелыми людьми. Наша Коммунистическая партия в Великую Отечественную войну сделала из них исключительно опытных воинов, настоящих мастеров своего дела, а опыт и знания являются самой благоприятной почвой для всестороннего развития военного искусства.

Сколько мыслей пронеслось в голове в те радостные минуты! И тяжелейшая битва под Москвой, где наши войска стояли насмерть, не пропустив врага в столицу, и Сталинград в руинах, но непокоренный, и доблестный Ленинград, отразивший бешеный натиск противника и переживший длительную блокаду, и героический Севастополь, выдержавший многомесячную осаду отборных гитлеровских войск, и торжество победы на Курской дуге, и тысячи разрушенных сел и городов, многомиллионные жертвы советского народа, героически выстоявшего в суровые годы.

И вот, наконец, самое главное, ради чего перенес великие страдания наш народ, – полный разгром фашистской Германии, торжество нашего правого дела!

1 мая в руках немцев остались только Тиргартен и правительственный квартал. Здесь располагалась имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Гитлера.

В этот день Мартин Борман записал в своем дневнике: «Наша имперская канцелярия превращается в развалины».

И.С. Конев

Берлинская операция

Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С.М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

– Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

– Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идет вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

– Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники? Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

– Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

– Вон какой вы, – слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: – А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

– Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

– Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными планами на руках. – Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. Все основные соображения, связанные с предстоящей операцией, у Жукова, как у командующего 1-м Белорусским фронтом, были уже готовы. У меня тоже ко времени вызова в Ставку сложилось представление о том, как перегруппировать войска 1-го Украинского фронта с южного на берлинское направление и спланировать операцию.

Работали мы в Генштабе над своими планами каждый отдельно, но некоторые возникавшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба. Речь шла, разумеется, не о деталях, а о вещах сугубо принципиальных: об основных направлениях, о планировании операции во времени и о сроке ее начала. Срок начала операции нас особенно беспокоил.

Вопрос Сталина, кто будет брать Берлин, телеграмма о том, что у союзников полным ходом идет подготовка к Берлинской операции, подсказывали: сроки готовности к операции надо максимально приблизить. Главная группировка 1-го Белорусского фронта была уже в основном готова и нацелена на противника, а у меня дело пока обстояло сложнее. После только что закончившейся Верхне-Силезской операции значительная часть наших сил все еще была стянута к левому флангу фронта. Требовались срочные и усиленные переброски.

2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил общий план Берлинской операции.

После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта; по нему тоже не было особых замечаний.

Очень внимательно обсудили и сроки начала операции. Я, со своей стороны, предлагал срок максимально жесткий для нашего фронта, с учетом того, что нам предстояло совершать большие перегруппировки.

Сталин согласился с этим сроком. Выдвигая свои предложения, я просил Ставку выделить 1-му Украинскому фронту дополнительные резервы для развития операции в глубину. Сталин ответил утвердительно и сказал:

– В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счет прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Тут же прикинули, смогут ли армии прийти в распоряжение 1-го Украинского фронта к тому сроку, на который мы установили начало операции. Выходило, что прибыть к этому сроку они не смогут: железные дороги не успеют перевезти.

Тогда я выдвинул предложение начать операцию до подхода этих двух армий имеющимися во фронте наличными силами. Это предложение было принято, и окончательным сроком, согласованным между командующими и утвержденным Ставкой, было установлено 16 апреля.

После утверждения планов зачитали проекты директив Ставки обоим фронтам; проекты были выработаны с нашим участием.

Попутно скажу о практике составления планов и директив, которая сложилась в Ставке. Как правило, командующий фронтом не только докладывал свой план, свои соображения по карте, но и до этого сам со своим штабом готовил и проект директив Ставки.

Исходя из общего стратегического замысла Верховного Главнокомандования, командование фронта полностью планировало операцию во всех аспектах, связанных с ее проведением, особо выделяя при этом вопросы, которые выходили за пределы компетенции фронта и были связаны с необходимой помощью фронту со стороны Ставки Верховного Главнокомандования.

Одновременно готовился и проект директив, в своем первоначальном виде отражавший взгляды самого фронта на проведение предстоящей операции и предполагавший, что

фронтом будет получена от Верховного Главнокомандования соответствующая помощь. Количество и характер исправлений и дополнений, вносимых в такой проект директив, зависели от того, как проходило в Ставке обсуждение предложений фронта и насколько близки они были к окончательному решению.

Этот выработавшийся в ходе войны метод планирования, как тогда, так и сейчас, представляется мне разумным и плодотворным.

В директивах фронтам было сформулировано: овладение Берлином возлагается на 1-й Белорусский фронт; 1-й Украинский фронт должен был осуществить разгром противника в районе Котбуса и южнее Берлина. Предполагалось, что, наступая в западном и северо-западном направлениях, не позднее десятого-двенадцатого дня операции мы овладеем рубежом Беелитц – Виттенберг, то есть рядом пунктов южнее и юго-западнее Берлина, и выйдем на Эльбу.

Фронт должен был наносить главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий.

На правом крыле фронта, на главном направлении, планировалось создать на участке прорыва плотность не менее двухсот пятидесяти стволов на один километр, для чего фронт усиливался семью артиллерийскими дивизиями прорыва.

В центре силами двух армий нам предстояло нанести удар на Дрезден, также с выходом к Эльбе.

На левом крыле фронт должен был занимать оборону. Левофланговая 60-я армия Курочкина передавалась в состав 4-го Украинского фронта, действовавшего, если можно так выразиться, на чехословацком направлении.

Кроме этих основных, принципиальных решений – о направлении удара, о составе группировок, о плотности артиллерии, – в Ставке больше ничего не обсуждалось. Все, что связано с материально-техническим обеспечением операции, решалось в обычном порядке, без специального обсуждения. К тому же фронт имел все необходимое в достаточном количестве.

В целом задача 1-го Украинского фронта сводилась к следующему: наступая южнее Берлина и содействуя его взятию, рассечь фронт немецко-фашистских войск надвое и соединиться с американцами.

В ходе Берлинской операции дело сложилось так, что армии 1-го Украинского фронта не только содействовали взятию Берлина, но вместе с войсками 1-го Белорусского фронта непосредственно активно участвовали в его штурме.

Возникает вопрос: рисовалась ли в перспективе такая возможность во время утверждения плана Берлинской операции в Ставке, и если рисовалась, то кому и в какой мере?

Мои размышления того времени сводились к следующему.

По первоначальному проекту Берлин должен был брать 1-й Белорусский фронт. Однако правое крыло 1-го Украинского фронта, на котором сосредоточивалась главная ударная группировка, проходило в непосредственной близости от Берлина, южнее его. Кто мог тогда сказать, как будет разворачиваться операция, с какими неожиданностями мы столкнемся на разных направлениях и какие новые решения или коррективы к прежним решениям придется принимать по ходу дела?

Во всяком случае, я уже допускал такое стечение обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для маневра и удара по Берлину с юга.

Высказывать эти соображения я считал преждевременным, хотя у меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом заранее, допускал в перспективе такой вариант.

Это впечатление усилилось, когда, утверждая состав группировок и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директив эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов.

Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле нашего фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин.

Были ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность. Во всяком случае, не исключаю ее. Это тем более можно допустить, если мысленно вернуться назад, к тому времени, и представить себе, чем тогда был для нас Берлин и какое страстное желание испытывали все, от солдата до генерала, увидеть этот город своими глазами, овладеть им силой своего оружия.

Разумеется, это было и моим страстным желанием. Не боюсь в этом признаться и сейчас. Было бы странно изображать себя в последние месяцы войны человеком, лишенным страстей. Напротив, все мы были тогда переполнены ими.

На определении разграничительной линии, собственно говоря, и закончилось планирование операции. Директивы Ставки были утверждены.

Кстати сказать, впоследствии в печати и в некоторых художественных фильмах, поставленных еще при жизни Сталина, была допущена историческая неточность. В эти дни в Ставку вызвали только нас с Жуковым, а маршал К.К. Рокоссовский, командовавший 2-м Белорусским фронтом, был в Ставке позднее – 6 апреля.

2-й Белорусский фронт участвовал в разгроме берлинской группировки на северном приморском направлении, тем самым активно способствуя захвату Берлина. Однако утверждение части плана Берлинской операции, относившейся к действиям 2-го Белорусского фронта, состоялось на несколько дней позже, уже в наше с Жуковым отсутствие.

...Я вылетел из Москвы на следующее утро после утверждения директив Ставки. Оставшиеся после совещания день и ночь ушли на то, чтобы завершить ряд неотложных дел, связанных с предстоящим наступлением и прежде всего касавшихся авиации, танков, боеприпасов, горючего и многого другого. Кроме того, я был занят еще некоторыми проблемами, связанными с предстоящей переброской к нам 31-й и 28-й армий. Внимания к этому требовали и сами масштабы переброски, и большие расстояния передислоцирования.

И маршал Жуков, и я – оба спешили и вылетели на фронт из Москвы, с Центрального аэродрома, с двухминутным интервалом. Теперь нам обоим предстояло, каждому на своем фронте, проводить ту часть Берлинской операции, которая была утверждена директивами Ставки.

Погода для полета была неблагоприятная. Над землей висели низкие апрельские туманы. Видимости никакой. Летели всю дорогу слепым полетом. К концу дня, когда уже, казалось, не оставалось надежды добраться засветло, летчик все-таки пробился сквозь туман и посадил самолет в районе Бреслау, невдалеке от командного пункта фронта.

Когда перед тобой ставится ответственнейшая и трудная задача и ты принимаешься размышлять над тем, как лучше решить ее, конечно, очень важно прежде всего трезво оценить, какие препятствия и трудности встретятся при этом.

Думал об этом и я, вернувшись на фронт. Думал об этом так же, как, наверно, думали и все другие – каждый на своем месте. Напряженно работал штаб фронта.

Цель Берлинской операции заключалась в уничтожении группировки немцев, действовавшей на берлинском стратегическом направлении. Советским войскам предстояло разгромить группу армий «Висла», основные силы группы армий «Центр», затем взять Берлин и, выйдя на Эльбу, соединиться с союзниками.

Выполнение этих задач, по нашим представлениям, лишило бы Германию возможности дальнейшего организованного сопротивления. Таким образом, конечный результат операции связывался с победоносным завершением войны в Европе.

Готовясь к проведению этой крупнейшей стратегической операции, следовало учитывать ряд особенностей, и прежде всего вероятную силу сопротивления врага. Гитлеровское командование сосредоточило против советских войск для обороны имперской столицы и подступов к ней крупные силы, подготовило глубоко эшелонированную оборону с целой системой укреплений и всякого рода препятствий и на Одерском рубеже, и на рубеже Шпрее, и на всех подступах к Берлину – с востока, юго-востока, юга и севера.

К тому же характер местности вокруг Берлина создавал немало дополнительных препятствий – леса, болота, множество рек, озер и каналов.

Нельзя было не считаться и с тем обстоятельством, что гитлеровское командование и немецко-фашистское правительство упорно вели политику на раскол антигитлеровской коалиции, а в последнее время прибегали к прямым поискам сепаратных соглашений с нашими союзниками, надеясь в результате этого перебросить свои войска с западного фронта на восточный, против нас.

Как теперь известно из истории, попытки Гитлера и его окружения добиться сепаратных соглашений с нашими союзниками не увенчались успехом. Мы и тогда, в период войны, не хотели верить, что наши союзники могут пойти на какой бы то ни было сговор с немецко-фашистским командованием. Однако в атмосфере того времени, насыщенной не только фактами, но и слухами, мы не вправе были абсолютно исключить и такую возможность.

Это обстоятельство придавало Берлинской операции, я бы сказал, особую остроту. И уж во всяком случае нам приходилось считаться с тем, что, встав наконец перед необходимостью испытать до дна горечь военного поражения, фашистские руководители предпочтут сдать Берлин американцам и англичанам, перед ними будут открывать путь, а с нами будут жестоко, до последнего солдата, сражаться.

Планируя предстоящую операцию, мы трезво учитывали эту перспективу. Кстати говоря, потом она на наших глазах превратилась в реальную действительность. Об этом свидетельствовали, например, действия 12-й немецкой армии генерала Венка, которая была просто-напросто снята с участка фронта, занятого ею на западе против союзников, и переброшена против нас для деблокирования Берлина.

Давая показания на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Кейтель был откровенным на этот счет. Он заявил, что уже с сорок четвертого года гитлеровское командование вело войну на затяжку, ибо считало, что события в конце концов сработают в его пользу. Оно рассчитывало на возникновение таких неожиданных ситуаций, которые при военном союзе нескольких государств с разными социальными системами рано или поздно вызовут трения и разногласия в их коалиции. А ими с выгодой можно воспользоваться.

Тогда, в начале апреля сорок пятого года, карты немецко-фашистского командования еще не были раскрыты. Однако для нас было очевидным, что фашисты сделают все, чтобы заставить советские войска как можно дольше застрять под Берлином.

Политические расчеты гитлеровцев опирались в какой-то мере на чисто военные соображения и надежды. Гитлеровское командование проделало огромнейшую работу по укреплению подступов к Берлину и считало, что наша армия долго не сможет преодолеть все

мощные инженерные барьеры, сочетавшиеся с естественными препятствиями и хорошо организованной обороной.

Подступы к Берлину действительно трудные. Взять хотя бы те же Зееловские высоты. Это крайне тяжелый рубеж, даже если мысленно отбросить все то, что понаделала там немецкая военная инженерия. Да и сам Берлин – огромный, капитально построенный город, где почти каждый дом, по существу, готовый опорный пункт с кирпичной кладкой стен в метр-полтора. Словом, немецко-фашистским войскам, оборонявшим Берлин, еще хотелось верить в то, что они нас остановят под Берлином так, как мы их остановили под Москвой. И эту веру всячески подогревала геббельсовская пропаганда.

Итак, мы понимали, что немцы для защиты Берлина ничего не пожалеют и ни перед чем не остановятся, будут оказывать сильнейшее сопротивление. Советское командование сознавало, что Берлинская операция окажется крайне напряженной для нас.

Нам предстояло сломать оборону противника, стоявшего перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, северо-восточнее и юго-восточнее Берлина, то есть войска 9-й полковой, а также 3-й и 4-й танковых армий немцев. По ходу операции имелось в виду отрезать 4-ю танковую от 9-й армии, рассечь вражеский фронт на две части так, чтобы лишить неприятеля возможности маневрировать и подавать резервы с юга на север – к Берлину и от него.

Гитлеровцы рассчитывали на затяжку действий. Мы, напротив, стремились к предельной скорости. Продолжительность операции планировалась всего двенадцать – пятнадцать дней, чтобы не дать противнику возможности получить передышку, затянуть операцию или уйти из-под наших ударов.

Так рисовалось будущее, к которому нам предстояло готовиться. А на подготовку оставалось всего двенадцать суток, в течение которых надо было провести большую и сложную перегруппировку войск.

Читатели, очевидно, заметили, что я стремлюсь свести к минимуму цитирование документов, но, в данном случае, говоря о такой операции, как Берлинская, необходимо сослаться на некоторые документы, чтобы пояснить, как и когда родились соответствующие дополнения к планам 1-го Украинского фронта и какую роль это потом, по ходу операции, сыграло в овладении Берлином.

Вот что говорилось в директиве Ставки Верховного Главнокомандования, подписанной Сталиным и Антоновым 3 апреля 1945 года, 1-му Украинскому фронту.

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Котбус и южнее Берлин.

Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц – Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг – Бельциг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с юга силами 2-й армии Войска Польского и частью сил пятьдесят второй армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Бауцен – Дрезден.

4. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара.

5. На левом крыле фронта перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на бреславльское направление.

6. Установить 15.IV.45 следующую разграничительную линию с Первым Белорусским фронтом: до Унруштадт – прежняя и далее – озеро Эннсдорфер-Зее, Гросс-Гастроузе, Люббен...

7. Начало операции согласно полученных Вами лично указаний.

То есть 16 апреля 1945 года.

Для сопоставления директивы Ставки 1-му Украинскому фронту с директивой, полученной 1-м Белорусским фронтом, приведу первый пункт из последней.

Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин. Не позднее 12–15 дня операции выйти на реку Эльба.

Таким образом, из текста обеих директив следовало, что непосредственный захват немецко-фашистской столицы был возложен на стоявший перед Берлином 1-й Белорусский фронт. Но то, что разграничительная линия между фронтами была сознательно остановлена на городе Люббен и дальше не проводилась, означало – я уже говорил об этом, – что по ходу операции, если того потребует обстановка, в Ставке молчаливо предполагается возможность проявления инициативы фронтов в интересах успеха операции.

Оценивая перспективы предстоящей операции, я считал, что после успешного и стремительного прорыва 1-й Украинский фронт будет иметь более благоприятные условия для широкого маневрирования, чем 1-й Белорусский фронт, наступавший прямо на Берлин.

Когда мы, на основе и в развитие директивы Ставки, более детально планировали предстоящую операцию уже на фронте, то я счел необходимым с самого начала заложить в наш план идею возможности такого маневра. Повторяя в плане первый пункт директивы Ставки: «Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц – Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена», – я добавил после этого: «Иметь в виду частью сил правого крыла фронта содействовать войскам Первого Белорусского фронта в овладении городом Берлин».

В последующем это дополнение целиком подтвердилось ходом боевых действий, и нам пришлось повернуть на Берлин не часть сил, а несколько армий – 3-ю и 4-ю гвардейские танковые, 28-ю, а также отдельные части 3-й гвардейской и 13-й армий.

В плане фронта задача содействия 1-му Белорусскому фронту в овладении Берлином была поставлена в общей форме. В приказе же, отданном 3-й гвардейской танковой армии, она получила конкретизацию:

На 5-й день операции овладеть районом Треббин – Цаухвитц, Трейенбрицен, Луккенвальде... Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга.

Таким образом, уже перед началом операции один танковый корпус и стрелковая дивизия были специально предназначены для атаки Берлина с юга...

Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе. Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да еще в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся.

Это нашло отражение в плане операции, по которому армия Рыбалко вводилась в прорыв на правом фланге, на участке 3-й гвардейской армии Гордова. Лелюшенко же должен был войти в прорыв в центре, на участке 5-й гвардейской армии Жадова. Это много южнее Берлина, но если посмотреть по карте, то и 4-я гвардейская танковая армия, которой предстояло овладеть районом Ниметц, Виттенберг, Арнсдорф, Денневит, поворачивала на северо-

запад, что соответствовало общему замыслу удара главной группировки фронта, имевшей после прорыва тенденцию к повороту на северо-запад.

Так что, в сущности, когда впоследствии перед нами встал вопрос о необходимости поворота танковых армий на Берлин, то практически нам пришлось делать не поворот, а лишь «доворот».

Времени на подготовку операции у нас было в обрез, так что всем нам – и в штабе фронта, и в нижестоящих штабах – работы хватало. Как говорят в народе, некогда было шапку и рукавицы искать.

Мы сознательно пошли на то, что операция должна начаться еще до полного сосредоточения всех сил, предназначенных для участия в ней. Я имею в виду 28-ю и 31-ю армии, части которых еще только прибывали в распоряжение нашего фронта, когда на передовой уже шла артиллерийская подготовка.

Прогнозы погоды были более или менее благоприятные, что позволило планировать широкое использование авиации. 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского должна была прикрывать с воздуха сосредоточение войск наших ударных группировок, в особенности танковых армий; массированными ударами содействовать войскам в форсировании реки Нейсе и прорыве обороны противника на всю тактическую глубину; помочь танковым армиям в быстрейшем преодолении реки Шпрее. (Я очень тревожился, что эта река окажется серьезной преградой особенно для танковых войск.) Далее, авиация не должна была допустить подхода резервов противника к полю боя со стороны Берлина и Дрездена. А в последующие дни – сопровождать действиями истребительной, штурмовой, а в случае необходимости и бомбардировочной авиации танковые армии на всей глубине их продвижения.

И наконец, авиаторам поручено было еще одно особое дело. В день прорыва мы решили поставить дымовые завесы не только перед теми участками фронта, на которых собирались форсировать Нейсе, но и почти по всей линии фронта, чтобы ввести противника в заблуждение. Постановка этих дымов должна была ослепить и наблюдательные пункты, и районы ближайших огневых позиций противника.

Мне пришлось столкнуться с встречающимися в западной печати неверными высказываниями о том, что в первый день Берлинской операции на обоих фронтах – 1-м Белорусском и 1-м Украинском – атака была проведена по единому плану. Это не соответствует действительности. Координация действий обоих фронтов осуществлялась Ставкой, а фронты, как обычно, взаимно обменивались информацией и оперативно-разведывательными сводками. Естественно, что в первый день операции каждый из фронтов избрал собственный метод атаки, исходя из своей оценки обстановки. На 1-м Белорусском фронте было решено проводить мощную артиллерийскую подготовку ночью и атаку при свете прожекторов.

На 1-м Украинском был избран совершенно другой метод. Мы запланировали более длительную, чем у соседа, артиллерийскую подготовку, рассчитанную на обеспечение форсирования реки Нейсе и прорыва главной полосы обороны противника на противоположном западном берегу. Чтобы форсирование проходило более скрытно, нам совсем невыгодно было освещать полосу прорыва. Напротив, куда выгоднее было удлинить ночь. Всего артиллерийская подготовка должна была длиться два часа тридцать пять минут, из них час сорок давалось на обеспечение форсирования и еще сорок пять минут – на подготовку атаки уже на западном берегу Нейсе.

За это время мы рассчитывали подавить у немцев всю систему управления и наблюдения, их артиллерийские и минометные позиции. Авиация же, действуя на еще большую глубину, должна была довершить разгром противника, концентрируя удары по его резервам.

В ночь перед началом наступления я приехал из-под Бреслау в 13-ю армию на наблюдательный пункт генерала Пухова. Наблюдательный пункт – небольшой блиндаж и щель – был расположен на опушке старого соснового бора, ниже его, прямо перед нами, крутой

обрыв к реке, за обрывом – Нейсе и тот берег, тоже обозримый на довольно далекое расстояние. В стереотрубу было превосходно видно все, что происходило впереди.

Правда, за удобства такого рода на войне приходится платить. Наблюдение с данного пункта было особенно эффективным, так как он находился близко к противнику, а это, в свою очередь, никак не страховало от ружейного и пулеметного огня с той стороны реки. Но в общем все обошлось благополучно, если не считать одной пули, скользящей по штативу стереотрубы.

Впрочем, этой подробности я тогда в горячке не заметил и прочитал о ней лишь недавно в воспоминаниях покойного Николая Павловича Пухова «Годы испытаний».

К концу первого периода артиллерийской подготовки были поставлены дымы. В полосе, доступной обозрению, дымовая завеса оказалась очень удачной – мощная, хорошей плотности и по высоте как раз такая, как нужно.

Мастерски это сделали летчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не «пронесли» ее, а поставили точно на рубеже Нейсе. А надо сказать, что ширина фронта, на котором ставилась дымовая завеса, равнялась ни много, ни мало тремстам девяноста километрам. Такой фронт установки завесы в известной мере дезориентировал противника относительно пунктов наших переправ через Нейсе.

Мощная артиллерийская подготовка и дымы создали для неприятеля большие затруднения в управлении войсками, расстроили их систему огня и ослабили устойчивость обороны. Уже к середине дня из показаний пленных выяснилось, что и отдельные солдаты, и мелкие подразделения немцев довольно своеобразно использовали нашу дымовую завесу: они просто покидали свои позиции и уходили в тыл.

Нашей артиллерийской подготовке дымы не мешали. Огонь велся на основе полной топографической привязки к местности, все основные цели были заранее засечены.

В дальнейшем во время переправы дымы возобновлялись еще несколько раз. Стоял штиль, скорость ветра – всего полметра в секунду, и дымы медленно ползли в глубину неприятельской обороны, затягивая всю долину реки Нейсе, что нам и требовалось.

С наблюдательного пункта была хорошо видна вся эта картина. На той стороне Нейсе, прямо против нас, стоял молодой, но уже довольно высокий и густой сосновый лес; во многих местах он горел. Мы не были сознательными виновниками этих пожаров, поскольку они для нас являлись только препятствием. Очевидно, лес загорелся частью от артиллерийских разрывов, частью от ударов авиации.

Некоторые пожары могли произойти и от самой дымовой атаки. Весь лес заволкло тройным дымом – от разрывов, от дымовой завесы и от пожаров. Это скрывало наше продвижение вперед, но и создавало трудности. Воевать в лесу вообще нелегко, а тем более – в горящем. Но, как впоследствии показали события, артиллерийская подготовка была проведена настолько эффективно, что нам удалось быстро взломать главную полосу обороны немцев на западном берегу Нейсе и, прорвав ее, пойти вглубь.

Передовые батальоны начали форсировать Нейсе в шесть часов пятьдесят пять минут, после сорокаминутного артиллерийского удара и под прикрытием дымов.

Переправа первого эшелона главных сил была закончена быстро – в течение одного часа. Немедленно после захвата плацдармов на западном берегу Нейсе на всем участке прорыва началась наводка мостов. Передовые батальоны переправлялись на лодках, таща за собой штурмовые мостики. Как только конец такого штурмового мостика закреплялся на противоположном берегу, пехотинцы бегом устремлялись по нему.

Наплавные легкие понтонные мосты были наведены за пятьдесят минут. Мосты для тридцатитонных грузов – через два часа, а для шестидесятитонных – через четыре-пять часов. Последние могли пропустить танки всех типов. Часть полевой артиллерии перетаскивали вброд на канатах одновременно с переправой передовых батальонов.

Через какие-нибудь десять-пятнадцать минут после того, как первые солдаты достигли западного берега Нейсе, туда были перетянуты и первые 85-миллиметровые орудия для стрельбы прямой наводкой по немецким танкам. Это сразу создало ощущение устойчивости на первых маленьких плацдармах.

Кроме мостов переправа осуществлялась на паромках, перебрасывавших на тот берег первые группы танков для непосредственной поддержки пехоты.

Успеху форсирования Нейсе мы были обязаны энергичной и самоотверженной работе инженерных войск. Велик был их героический труд. Только на главном направлении удара они оборудовали сто тридцать три переправы. В полосе наступления 3-й гвардейской и 13-й армий действовало двадцать мостов, девять паромов, двенадцать пунктов десантных переправ и семнадцать штурмовых мостиков.

Имея в виду, что танковым армиям придется потом, войдя в прорыв, преодолеть еще ряд рек, я до наступления категорически запретил использовать какие бы то ни было переправочные средства танковых армий при форсировании Нейсе. По нашему плану танковые армии должны были форсировать Нейсе на специально подготовленных для них переправочных средствах, собственные же средства в полном и даже усиленном комплекте использовать при подходе к следующему рубежу – к реке Шпрее. Форсирование Нейсе целиком легло на плечи инженерных войск фронта.

Расчет с самого начала строился на быстрое и глубокое продвижение танковых армий. И эта, если можно так выразиться, дальнобойность их удара обеспечивалась всесторонне.

Прорыв фронта, как на главном направлении, так и на дрезденском, прошел успешно. В результате ожесточенных боев, форсировав Нейсе, части 3, 5-й гвардейских и 13-й армий прорвали оборону противника на фронте в двадцать девять километров и продвинулись вперед на глубину до тринадцати километров.

Успешно наступала в первый день и наша вспомогательная ударная группировка на дрезденском направлении – 2-я армия Войска Польского и 52-я армия. Форсировав Нейсе и отбив несколько жестоких контратак противника, они продвинулись на запад на глубину шесть – десять километров.

Войска главной группировки уже в первый день подошли ко второй полосе вражеской обороны и завязали бои за овладение ею. Однако развитие прорыва в этом тяжелом лесистом районе шло с затруднениями. Немецко-фашистские войска почти сразу же начали предпринимать настойчивые, а в некоторых случаях яростные контратаки. Уже в первый день против нас были двинуты не только тактические, но и оперативные резервы противника.

По всему чувствовалось, что именно на этом главном, Нейсенском, рубеже обороны немцы намерены дать нам решающее сражение и попытаться столкнуть нас обратно за Нейсе.

Уже 16 апреля враг, стремясь удержаться и восстановить положение, ввел на главном направлении нашего прорыва несколько танковых дивизий, противотанковую истребительную бригаду и целый ряд других частей.

Мы заранее знали, какое значение придает гитлеровское командование Нейсенскому оборонительному рубежу, и предполагали возможность ожесточенных, в том числе и танковых, контратак в первый же день прорыва. Поэтому вместе со стрелковыми дивизиями переправили через Нейсе и передовые бригады танковых армий. Оставаясь в подчинении у командования соответствующих танковых корпусов и армий, они на первом этапе прорыва воевали вместе с пехотой, придавая ей дополнительную устойчивость во время танковых контратак противника. В то же время это были передовые отряды армий, призванные подготовить условия для последующего ввода и развертывания главных танковых сил.

Чтобы у читателя создалось правильное представление о сложившейся обстановке в районе нашего прорыва на второй день наступления, 17 апреля, следует понять сложный

характер действий большой массы войск, в том числе танковых, маневрирующих и прорывающихся все дальше и дальше в глубь обороны противника.

Первая полоса немецкого оборонительного рубежа тянулась вдоль реки Нейсе. Она была прорвана утром и днем 16 апреля. В то же время на обоих флангах прорыва еще продолжались ожесточенные бои. Мы стремились расширить прорыв, немцы контратаковали и бросали навстречу нам свои резервы. К исходу дня наши корпуса первого эшелона ударной группировки уже вели бои на второй оборонительной полосе врага, находившейся примерно на полпути между реками Нейсе и Шпрее.

17 апреля на участке 13-й армии Пухова и на правом фланге 5-й гвардейской армии Жадова была прорвана и вторая полоса обороны немцев. Наши войска устремились вперед, к третьей полосе, к реке Шпрее.

В середине дня бои шли уже в глубине вражеской обороны на всех трех полосах и в промежутках между ними. На первой полосе мы продолжали расширять прорыв. На второй происходили бои за целый ряд еще не взятых участков. Там, где она была уже прорвана, войска стремительно продвигались вперед, отражая контратаки немцев, стремившихся во что бы то ни стало задержать нас. В то же время передовые части 13-й и 5-й гвардейской армий вместе с танковыми частями, отразив неприятельские контратаки, уже вырвались вперед, к Шпрее.

Нельзя представлять себе эти боевые действия как фронтальные, когда успех одерживается последовательно, от рубежа к рубежу. В условиях стремительного маневра войска наступали далеко не всюду плечом к плечу, а порой с большими разрывами. Поэтому между первой и второй полосами вражеской обороны, между второй и третьей происходили ожесточенные бои и с отступавшими, и с пытавшимися контратаковать нас немецкими частями. Сложность и запутанность этой обстановки усугублялась тем, что бои проходили в лесистой местности, где продолжали бушевать пожары.

3-я и 4-я танковые гвардейские армии, передовые бригады которых прошли Нейсе еще утром 16-го, вечером того же дня начали переправляться через реку главными силами, за ночь закончили переправу и 17-го утром, войдя в прорыв в полном составе, смело рванулись вперед, к Шпрее.

Характеризуя неповторимые особенности этой операции, я хочу отметить, что форсирование Нейсе, захват плацдармов на ее западном берегу, прорыв первой полосы обороны противника, наступление на вторую полосу и прорыв ее, дальнейшее движение к Шпрее, форсирование ее и прорыв третьей полосы немецкой обороны – все это осуществлялось как единый и непрерывный процесс.

Мне, во всяком случае, впервые за время Великой Отечественной войны пришлось без всяких пауз форсировать реку и сразу вслед за этим прорывать оборону противника с хорошо развитой системой огня, инженерных сооружений, укреплений и минных полей; затем прорывать вторую полосу обороны и третью – опять-таки с форсированием реки. Думаю, что этот единый сплошной процесс развития операции заслуживает внимания с точки зрения оперативного искусства.

Боевой подъем в войсках был исключительно высок. Солдатам и офицерам пришлось переносить невероятные трудности. Но силы людей буквально удваивало сознание, что в результате этого последнего, огромного физического и морального напряжения, мы можем добиться наконец полной победы над врагом. У людей было твердое убеждение, что на этот раз мы поставим точку.

Пора сказать и о противнике. В период прорыва перед нами оборонялась 4-я танковая армия врага. В результате ударов и на основном, и на вспомогательном направлениях она была разорвана на три изолированные части. Одна ее группировка оказалась отрезанной на нашем правом фланге, в районе Котбуса (мы потом так и называли ее котбусской группировкой).

ровкой). Вторая, в центре, продолжала воевать против нас в лесном массиве района Мускау, а третья тоже была отрезана на левом фланге в районе Герлица. Эту группировку мы впоследствии называли герлицкой.

Таким образом, вся стройная система обороны противника, предусматривавшая соответствующий порядок ввода резервов, была нарушена. И это было очень важно. Именно такое нарушение целостности вражеской группировки, системы управления ею и есть важное условие успешного развития операции на большую глубину.

Пока что я еще рассказываю о втором дне наступления – о 17 апреля, – к исходу которого передовые части наших танковых армий подошли к реке Шпрее, а вечером некоторые подразделения 3-й гвардейской вброд переправились через нее. Главные же силы танковых армий преодолели реку в ночь на 18 апреля. Но для того чтобы уже не возвращаться к характеристике действий противника и некоторых итогов этих действий, печальных для него, рассмотрим их в масштабе не двух, а трех первых дней.

В ходе трехдневных боев были разгромлены четыре немецко-фашистские дивизии, стоявшие в обороне на первом рубеже вдоль Нейсе, – 342-я и 545-я пехотные, 615-я особого назначения и моторизованная «Бранденбург». От них, фактически, мало что осталось.

Пытаясь остановить наше наступление, гитлеровское командование с 16 по 18 апреля на второй и третьей полосах обороны ввело в бой из своих резервов шесть танковых, моторизованную и пять пехотных дивизий. Эти данные опровергают мнение некоторых авторов о слабости группировки противника, действующей против войск 1-го Украинского фронта.

Бои были жестокие. Фашисты бросали в контратаки по шестьдесят – семьдесят танков, направляли против нас все, что у них было под руками. И это не удивительно. Мы наносили удар по самому их слабому месту, и они если и не предвидели катастрофы в полном объеме, то, во всяком случае, предчувствовали грозящие им неприятности.

Самые ожесточенные бои, в том числе и танковые, развернулись на второй полосе немецкой обороны и – сразу же после ее прорыва – за ней. В этих лесистых местах не было условий для таких массированных действий танковых войск обеих сторон, какие мы видели, например, во время Курской битвы. Но общее насыщено танками и с той и с другой стороны было очень высокое. Средний темп наступления войск фронта в период прорыва всех трех полос Нейсенского оборонительного рубежа оказался несколько ниже запланированного. Но что значит – планировать на войне? Планируем мы одни, а выполняем свои планы, если можно так выразиться, вместе с противником, то есть с учетом его противодействия. Чем дольше идет сражение, тем больше в первоначальные планы вносятся коррективы. Они связаны не только с преодолением всякого рода трудностей и препятствий, в том числе и таких, которые невозможно учесть заранее, но и с поведением противника, и прежде всего с тем, когда, как и в каких масштабах он вводит оперативные резервы, с которыми надо драться и которые надо разгромить, прежде чем пойти дальше.

Конечно, в ходе сражения хочется выполнить первоначальные планы, в том числе и выдержать запланированный темп наступления. Но при всем том нервном напряжении, в котором я находился в разгар операции, некоторая замедленность темпов нашего наступления не вызывала у меня ощущения неблагополучия или начинающей складываться неудачи. Почему?

Во-первых, потому, что на протяжении трех первых дней операции вся тридцатикилометровая глубина неприятельской обороны была прорвана силами нашей пехоты и танков первого эшелона общевойсковых армий при поддержке частей первых эшелонов танковых армий. Корпуса вторых эшелонов общевойсковых армий и вторые эшелоны танковых армий Рыбалко и Лелюшенко пока не были введены в бой. В руках командования еще оставалось несколько свежих стрелковых и механизированных корпусов, то есть огромная сила. Именно

это и обеспечило нам успех в дальнейшем, дало возможность, введя свежие силы, свободно маневрировать в оперативной глубине.

Во-вторых, я отдавал себе отчет в том, что резервы врага не безграничны. Получая донесения о появлении новых и новых вражеских пехотных и танковых частей, я все яснее видел, что немцы делают главную ставку именно на них. Но, вводя в бой по частям одну дивизию за другой, они постепенно исчерпывают свои силы в боях с войсками нашего первого эшелона. Громя резервы неприятеля уже на первых двух рубежах, мы получали возможность двинуть вперед свои вторые эшелоны, когда оперативные резервы противника будут перемолоты и разбиты.

Так оно и вышло. Пытаясь во что бы то ни стало удержать нас на второй полосе обороны, немцы потом уже не располагали достаточными силами для третьей полосы обороны, на Шпрее. К концу второго дня третья полоса обороны немцев была проткнута нами с ходу, а на третий день – прорвана на довольно широком фронте, и река Шпрее была форсирована на плечах отходивших разбитых частей противника. Все двенадцать дивизий, которые неприятель двинул против нас из своего резерва, были частью отброшены за Шпрее, а частью оттеснены на правый фланг нашего прорыва – к Котбусу, и на левый фланг – к Шпрембергу.

Надо отметить роль нашей авиации, оказавшей наземным войскам большую помощь в овладении рубежом Шпрее. На второй и третий день наступления погода улучшилась, и авиация работала всюду, нанося бомбовые удары по основным узлам сопротивления на реке Шпрее и по укрепленным районам на флангах нашего прорыва – по Котбусу и Шпрембергу. Авиация разыскивала в лесах и успешно громила с воздуха танковые группировки противника. За первые три дня наступления было совершено семь тысяч пятьсот семнадцать вылетов, сбито в воздушных боях сто пятьдесят пять немецких самолетов. Урон для гитлеровцев тем более чувствительный, что с авиацией к этому времени у них было уже не густо.

Анализируя впоследствии ход событий в первые дни нашего наступления, я не раз размышлял над тем, почему немцы так поспешно, уже на второй полосе Нейсенского рубежа обороны, ввели в дело свои оперативные резервы, вплоть до некоторых соединений из резервов главного командования. Думаю, что на них психологически действовало то, что Берлин был уже совсем близко. Пространство, где еще можно было попытаться задержать нас, все сокращалось и сокращалось.

Кроме того, генералы догадывались, чем может закончиться наш успешный прорыв юго-восточнее Берлина. Их должен был пугать выход такой крупной группировки войск, в том числе танковых армий, на оперативный простор с возможностью маневра на Берлин.

Как бы мы там ни дымили, хотя дыма в начале операции было предостаточно, все же вражеская авиационная разведка не могла не засечь скопления наших танков.

Эта опасность, а также приказ Гитлера во что бы то ни стало удерживать Нейсенский рубеж и толкнули немцев на использование основных оперативных резервов уже на второй полосе обороны. По существу, противник облегчил нам решение дальнейших задач.

Гитлеровские генералы были к этому времени в состоянии психологического надлома, хотя, как мне кажется, с большим трудом улавливали, что кризис налицо и обстановка, по существу, создалась безнадежная. К тому же их тяжелое положение усугублялось тем, что Гитлер по-прежнему объяснял все неудачи на фронте предательством. В том числе и предательством тех генералов, которые были разгромлены войсками 1-го Украинского фронта на Нейсенском рубеже. Когда ему доложили, что советские войска прорвались в районе Котбуса, это сообщение потрясло его, но он продолжал твердить, что это результат предательства. Хочу отметить, что его генералы на Нейсенском рубеже служили ему до конца верой и правдой и, начиная уже понимать надвигающуюся катастрофу, все-таки стремились если не предотвратить ее, то хотя бы отодвинуть.

17 апреля я дал приказание, как только позволит обстановка, подготовить передовой наблюдательный пункт недалеко от Шпрее, в районе предполагаемой переправы 3-й гвардейской танковой армии Рыбалко, и выехал в том же направлении.

К середине дня без особых осложнений добрался до Шпрее. То, что я увидел в пути, не было чем-то особенным для привычного к войне человека. Конечно, и на войне встретится такое, что хочешь забыть и не забудешь.

Вспомнил, какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадежную попытку прорваться ночью из котла, и стоило это им страшных потерь. Кровавое пролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окруженную группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал Штеммерман в свою очередь отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнем и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напиральную и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу. И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Все это происходило в кромешной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на санях, потому что ни на чем другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжелое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях.

По пути же к Шпрее людские потери не сразу бросались в глаза: в лесу не так видно. Гораздо чаще попадалась сгоревшая, разбитая, подбитая, застрявшая в реках и на болотах техника. Все это свидетельствовало о недавнем крупном сражении, в котором и с той и с другой стороны участвовало большое количество танковых и механизированных войск.

Сражение напоминало о себе и непрерывными звуками боя – и впереди, куда я ехал, и слева, и справа, по обеим сторонам пробитого нами коридора. Ехать вперед можно было беспрепятственно: саперы, шедшие вместе с передовыми частями, уже расчистили проходы в минных полях и разминировали многочисленные лесные завалы.

Кстати замечу, что личному составу каждой части было разрешено двигаться вперед только по определенному, проложенному для нее маршруту. И войска проявляли разумную дисциплинированность.

Великое дело – опыт войны. Те солдаты, что начали воевать в сорок первом – сорок втором годах под Москвой, в степях Украины, под Сталинградом, теперь подходили к Берлину. Они были достойны славы чудо-богатырей Суворова и даже, пожалуй, превосходили их. Конечно, они не провели на солдатской службе столько лет, сколько это полагалось в суворовские времена, но если учесть, что это были солдаты Советской Армии, верные сыны своего социалистического Отечества, учесть весь их опыт боев за эти три-четыре года, знать все, что они видели и пережили, сосчитать все тяготы и невзгоды, перенесенные ими, то с такими солдатами можно было не только брать Берлин – с ними можно было штурмовать небо.

Вспоминая войну и сравнивая различные ее этапы, мы, как мне кажется, подчас недооцениваем дистанцию, пройденную в овладении воинским искусством за период военных лет. На четвертый год войны считалось само собой разумеющимся выполнение таких боевых задач, которые, если их мысленно перенести в первый период войны, считались бы невероятно трудными, стоящими на грани невыполнимого. А обращаясь к началу войны и оценивая соотношение сил, мы в какой-то мере недоучитываем такой важный в тот период для немцев фактор, как их втянутость в войну, их наступательный порыв, сложившийся в результате непрерывных двухлетних побед на полях Европы.

Теперь, в апреле сорок пятого года, мы отбросили эту сильнейшую армию мира почти до Берлина. И все, что предстояло еще совершить, уже не составляло непреодолимой трудности для нашей армии, зрелой и полной наступательного порыва, решимости раз и навсегда покончить с фашизмом, освободить народы Европы от гитлеровского ига.

Я спешил вперед, к Шпрее, куда выходила 3-я гвардейская танковая армия. Своими глазами хотел увидеть, как начнется переправа. От быстроты переправы танковых армий, а вслед за ними и общевойсковых зависела не только стремительность нашего дальнейшего маневра, но и дальнейшее сопротивление немцев. Чем меньше успеем мы, тем больше успеют они, и наоборот.

Переправу через Шпрее я ни на минуту не выпускал из своего поля зрения. В случае необходимости я собирался использовать и те меры воздействия, и те средства помощи, которыми располагал как командующий фронтом, чтобы войска не задержались на Шпрее ни одного лишнего часа.

Подъехав к реке, я по донесениям разведчиков, да и по непосредственным наблюдениям понял, что дело складывается в общем неплохо. Но поскольку нам пришлось пробиваться сюда с непрерывными боями, упредить противника не удалось. Гитлеровцы успели посадить по берегу Шпрее кое-какие части и вели огонь, однако чувствовалось, что огонь этот разрознен и недостаточно организован: плотной мощной системы огня перед нами не было. Точнее говоря, пока не было. Подарить немцам время на ее организацию было бы с нашей стороны непростительной ошибкой.

Я вызвал к себе Рыбалко, и мы вместе с ним вслед за передовым отрядом подъехали к самой реке. Мне показалось, чуть ниже того места, где мы очутились, по всем приметам, был раньше брод. Рыбалко был того же мнения.

Желание во что бы то ни стало выиграть время продиктовало нам решение: не ждать наводки мостов, попробовать форсировать реку прямо на танках, тем более что они защищены от автоматного и пулеметного огня, который вели немцы с западного берега. Выбрали в передовом отряде лучший экипаж, самый смелый и технически подготовленный, и приказали ему: «Прямо с ходу – вброд – на ту сторону!»

Ширина реки в этом месте была метров сорок-шестьдесят. Танк на наших глазах рванулся на ту сторону и проскочил реку. Оказалось, что здесь ее глубина не превышала метра.

Лиха беда начало. Танки пошли на ту сторону один за другим. Огонь врага был подавлен, фашисты отброшены со своих позиций, и через два-три часа (раньше, чем навели первые мосты) несколько передовых танковых бригад были уже на той стороне Шпрее.

К этому времени один из корпусов Рыбалко нашел правее другой брод и тоже переправился через реку полным ходом. 4-я гвардейская танковая армия Лелюшенко, вышедшая к Шпрее южнее и столкнувшаяся там с сильным сопротивлением немцев, повернула сюда и стала форсировать реку, найдя еще один дополнительный брод.

Мне доложили, что передовой командный пункт уже оборудован в баронском доме, немного позади того места, где мы стояли с Рыбалко и Лелюшенко, наблюдая за переправой. Этот дом был хорошо виден. По нему откуда-то из глубины била неприятельская артиллерия, но очень неточно. Очевидно, немцы запеленговали работу уже развернутой там радиостанции, а может быть, просто вели стрельбу по приметному, отдельно стоявшему в лесу строению.

Я не спешил на передовой командный пункт. Меня притягивало к берегу не только радостное зрелище быстрой и успешной переправы: уже начал ходить паром, заканчивалась наводка моста. Удерживала на берегу и необходимость поговорить с командующими танковыми армиями, которым после переправы предстоял решительный и глубокий маневр по тылам противника.

Мысленно я видел конец этого маневра на южных и юго-западных окраинах Берлина. Так подсказывала складывавшаяся обстановка. Конечно, отдавать приказ о последующем повороте танковых армий в глубине вражеской обороны на Берлин было преждевременно – для этого еще не созрели условия, да и надо было получить разрешение Ставки. Но я хотел, чтобы оба командующих танковыми армиями почувствовали мое настроение, ощутили мою уверенность в том, что перед ними в дальнейшем откроется именно такая перспектива.

Мы стояли на берегу Шпрее и обсуждали обстановку. Командармов беспокоили горящие впереди леса. Пожары для танков очень неприятны. Они ограничивают видимость и без того в боевых условиях небольшую, к тому же движение через зону пожаров грозит опасностью подрыва в любой момент. Чего только не навьючено на броне у входящих в глубокий прорыв танков – штурмовые средства для переправ, а у более предусмотрительных – даже дополнительный запас горючего в канистрах или специальных бочках.

Но основным поводом для тревоги были, конечно, не пожары. Главная проблема, остроту которой понимали и командармы и я, состояла в том, что надо было идти вперед, а совсем близко, на флангах, еще продолжались жаркие бои. Танкисты входили в глубокий прорыв на фронте 13-й армии. Справа же 3-я гвардейская армия Гордова и слева 5-я гвардейская армия Жадова отражали непрерывные ожесточенные контратаки немцев на флангах.

Об этом в основном мы и вели разговор. Независимо от того, будут танки повернуты на северо-запад, на Берлин, или не будут, я так или иначе благословлял их на смелый отрыв от общевойсковых армий на большую оперативную глубину.

Разумеется, у танкистов могли возникнуть вопросы: позвольте, вот вы вводите нас в эту горловину, заставляете идти не оборачиваясь, отрываться, а на обоих флангах коридора идут жестокие бои. Не выйдет ли противник на наши тылы, не перережет ли наши коммуникации?

Надо отдать им должное, оба командарма этих вопросов впрямую мне не задавали. Но командование фронта считало своим долгом сказать, что они могут не беспокоиться. Потому я и оказался со своим передовым наблюдательным пунктом здесь, в самой середине пробитого коридора, чтобы держать и справа и слева угрожаемые фланги нашего прорыва, что называется, на своих плечах. Я даже хлопнул себя по плечам, так сказать, продемонстрировал в натуре, как я буду своим присутствием в центре прорыва распирать в обе стороны фланги: беспокоиться, мол, не о чем, можете действовать смело, стремительно, на предельную глубину!

Хочу повторить то, что уже говорил раньше о взаимном доверии. И Рыбалко и Лелюшенко, с которыми я провел ряд крупных операций, верили мне как командующему фронтом, а я верил им. Они знали, что я не бросаю слов на ветер, когда говорю, что тылы их армий будут обеспечены, что я сам нахожусь, и буду находиться здесь и приму все меры к тому, чтобы данное мною слово не разошлось с делом.

Вскоре после войны П.С. Рыбалко в своих воспоминаниях «Удар с юга» писал: «Мы шли вперед в то время, как позади нас оставались еще недобитые немецко-фашистские дивизии. Мы не боялись за наши коммуникации, так как знали, что высшим командованием приняты все меры для ликвидации этих недобитков. Фланги и тыл в продолжение всей операции были надежно прикрыты». Этими словами П.С. Рыбалко справедливо отдал должное своим соратникам по Берлинской операции командующим 5, 13 и 3-й общевойсковыми армиями.

Разговор происходил 17 апреля, на второй день наступления. А уже назавтра, 18-го, танкисты, в свою очередь, доказали, что их слово тоже не расходится с делом.

К концу 18 апреля танковая армия Рыбалко прошла за Шпрее вперед еще на тридцать километров, а армия Лелюшенко, встретившая в тот день не столь сильное сопротивление противника, продвинулась на сорок пять километров. И то, что оба командарма, несмотря на всю остроту обстановки, были спокойны за свои тылы, могу сказать по собственному опыту, играло немалую роль в скорости продвижения армий.

Целиком переправилась 18-го числа на ту сторону Шпрее и 13-я армия Пухова. К ней справа примкнули части Гордова, а слева – части Жадова. Попытки противника оказать нам организованное сопротивление на рубеже Шпрее окончательно провалились.

Однако в районе Котбуса, на левом фланге армии Гордова, и в районе Шпремберга, на правом фланге армии Жадова, по-прежнему шли ожесточенные бои. Именно это сильное давление противника на северном и южном флангах нашего еще сравнительно узкого коридора больше всего и беспокоило меня, заставляло принимать самые решительные меры для разрядки положения.

А сейчас возвращаюсь к событиям, происходившим 17-го числа.

На переправе я пробыл примерно до шести часов вечера. Последний разговор с Рыбалко и Лелюшенко перед их отъездом закончился как бы сжатым выводом из всего того, что мы обсуждали: смелее вперед, в оперативную глубину, не оглядывайтесь назад, не ведите с гитлеровцами боев за их опорные пункты, ни в коем случае не берите их в лоб, обходите, маневрируйте, берегите боевую технику, все время помните, что вам нужно подойти с запасом неизрасходованных сил к выполнению конечной задачи. Какая это задача, прямо опять-таки не было сказано, но они отлично понимали, что им, очевидно, придется драться за Берлин.

Уезжая, я оставил обоих в хорошем настроении. Неплохое настроение было и у меня.

Добравшись до замка, я связался по телефону со всеми, с кем еще надо было поговорить. Управление войсками фронта с самого начала операции осуществлялось бесперебойно, все виды связи работали устойчиво. И тут следует отдать должное генералу Булычеву, начальнику войск связи фронта, показавшему себя в этой операции с самой положительной стороны. Командармы, командиры корпусов, командиры дивизий вместе со своими оперативными группами, как правило, в эти дни управляли войсками с наблюдательных пунктов, вынесенных в боевые порядки войск, и перебоев в связи не испытывали.

Я поговорил со штабом фронта, выслушал доклады нескольких командующих армиями, еще раз переговорил с танкистами (они сообщили, что успешно продвигаются на запад от Шпрее) и, представив картину всего происходящего, позвонил по ВЧ в Ставку. Доложил И.В. Сталину о ходе наступления фронта, о переправе через Шпрее, о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении.

Какая-то дежурная немецкая батарея продолжала откуда-то издали все с той же методичностью и с той же неточностью, что и весь день до этого, стрелять по замку, а я сидел в нем и говорил с Москвой. Слышимость была превосходная.

Надо сказать, что эта связь – ВЧ, – как говорится, нам была богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное и нашей технике, и нашим связистам, специально обеспечивавшим эту связь и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим тех, кому было положено пользоваться ею.

Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

– А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

– Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение:

– Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен – городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

– Вы по какой карте докладываете? – спросил Сталин.

– По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

– Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского генерального штаба?

– Да, знаю.

– Очень хорошо, – повторил он. – Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился.

В сложившейся обстановке я считал принятое решение единственно правильным.

В условиях, когда 1-й Белорусский фронт, наступая на Берлин с востока, с трудом пробивал глубоко эшелонированную, тщательно подготовленную оборону противника, было бы странным отказаться от столь многообещающего маневра, как удар по Берлину танковыми армиями с юга, через уже осуществленный нами прорыв.

Выдвинутая Сталиным идея ввода танковых армий одного фронта через прорыв, осуществленный другим фронтом, была громоздка, выполнение ее затруднительно. Не только из-за потери времени и той сумятицы, которая неизбежно возникла бы в этих обстоятельствах. Танковые армии могли понадобиться – и впоследствии понадобились – самому 1-му Белорусскому фронту после взлома вражеской обороны на другом направлении. Танковые же армии нашего фронта, войдя в прорыв, по существу, уже были готовы к удару на Берлин. Их оставалось только повернуть, или, как я уже говорил, «довернуть» в нужном направлении. Теперь, когда они фактически уже выходили на оперативный простор, такой «поворот» не составлял большого труда, тем более что командование танковых армий было готово к выполнению именно такой задачи.

Еще до начала операции я считал: удар 1-го Белорусского фронта на Берлин будет происходить в очень трудной обстановке и стоить больших усилий. Прорывать оборону противника надо было прямо перед Берлином, в непосредственной близости от него. Этого гитлеровцы больше всего ждали, к этому они больше всего готовились, перед возможностью этого больше всего трепетали и делали со своей стороны все, чтобы этого не случилось.

Наш прорыв происходил сравнительно далеко, к юго-востоку от Берлина. Здесь неприятель держал группировку тоже сильную, но все-таки не такую, как перед кюстринским плацдармом. Маневр, который мы осуществили танковыми армиями после прорыва обороны, был для противника только одним из возможных вариантов.

Опасность нашего удара по Берлину с юга стала возрастать для немецко-фашистских войск в полном объеме после того, как, осуществив неожиданный для них по стремительности прорыв, мы сразу ввели в него танковые армии.

Это, как я уже говорил, произвело в ставке Гитлера тяжкое впечатление. Но на перегруппировку войск, а тем более на строительство каких-то дополнительных рубежей, которые задержали бы нас между Нейсенским рубежом и внешним обводом Берлина, у врага оставалось слишком мало времени.

И практически получилось так: когда мы, прорвав их оборону с востока на запад, вслед за этим круто повернули на север к Берлину, то перед нашими войсками в целом ряде случаев уже не было новых оборонительных полос. А те, что встречались, были расположены фронтом на восток, и наши части спокойно шли на север мимо них и между ними, но лишь до внешнего обвода, опоясывающего весь Берлин.

Как только Сталин положил трубку, я сразу же позвонил по ВЧ командармам обеих танковых армий и дал им указания, связанные с поворотом армий на Берлин. В более развер-

нутом виде они вошли потом в директиву фронта, которая примерно три часа спустя была отправлена в Ставку и в войска.

Танкистам нельзя было терять времени, пока составлялась, отправлялась и получалась директива; им надо было действовать всю ночь, не теряя ни минуты и не дожидаясь оформления полученных от меня указаний.

После разговора с танковыми начальниками я лично написал эту директиву. Так как она была для войск 1-го Украинского фронта поворотным пунктом в ходе Берлинской операции, я приведу ее полностью, в том виде, в каком она была дана в ночь на 18 апреля 1945 года:

Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю:

1. Командарму 3-й гвардейской танковой армии: в течение ночи с 17 на 18.IV.45 форсировать реку Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии в ночь с 20 на 21.IV.45 ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4-й танковой. В течение ночи с 17 на 18.IV.45 форсировать реку Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дрепкау, Калау, Дане, Луккенвальде. Задача армии к исходу 20.IV.45 овладеть районом Беелитц, Трейенбрицен, Луккенвальде. В ночь на 21.IV.45 овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. При повороте армии на Потсдам район Трейенбрицен обеспечить 5-м мехкорпусом. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед. Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твердо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3-й приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад.

4. Об исполнении отданных распоряжений донести. Командующий Первым Украинским фронтом Конев.

Член Военного совета фронта Крайнюков.

Начальник штаба Первого Украинского фронта Петров.

№ директивы 00215, 17.IV,

подано 18.IV в 2 часа 47 минут.

В ночь на 18 апреля осуществился поворот 3-й и 4-й гвардейских танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин, приведший впоследствии в результате совместных действий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к окружению всей берлинской группировки гитлеровцев и падению Берлина. Поворот танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин с юга был в моих глазах естественным и закономерным маневром, рассчитанным на то, чтобы громить противника в самом невыгодном для него положении, и в значительной мере неожиданным.

Я верил в успех этого маневра.

18 апреля Рыбалко и Лелюшенко, оторвавшись от Шпрее, продвигались все дальше к Берлину. 13-я армия Пухова, наступавшая в центре нашей ударной группировки, за этот день переправилась через Шпрее, а справа и слева от нее армии Гордова и Жадова вели ожесточенные бои на обоих флангах нашего прорыва.

Прежде чем говорить о дальнейшем ходе операции, мне хочется именно здесь, после рассказа о маневре танковых армий, заглянуть в прошлое и проследить, как протекало в ходе войны развитие наших танковых войск и каковы были тенденции и реальные возможности этого развития.

В ходе войны нам, по существу, пришлось создавать свои танковые войска почти заново. Перед войной у нас были механизированные корпуса трехдивизионного состава. По

замыслу, они должны были представлять мощную силу (полный штат более семисот танков в каждом корпусе). Но практически в начале войны корпуса оказались в самом невыгодном положении. Новые, современные танки у нас еще только запускались в производство. Незадолго до войны первые серии этих машин были направлены на частичное укомплектование нескольких механизированных корпусов. Однако освоить их не успели, а старая матчасть – главным образом устаревшие легкие танки – находилась в состоянии и физического и морального износа. К тому же несколько механизированных корпусов в ту пору еще формировались и вообще не были укомплектованы боевой техникой и вооружением.

Ход событий в самом начале войны достаточно известен. В первых сражениях с превосходящими силами противника наши механизированные корпуса потеряли почти всю технику и, что было еще тяжелее, понесли большой урон в командных кадрах.

Ни для переформирования, ни для развертывания новых корпусов у нас не оказалось необходимых сил и средств, кадров и техники. Достаточно сказать, что в конце сентября 1941 года, перед началом наступления немецко-фашистских войск на Москву, на всем Западном фронте мы располагали лишь сорока пятью современными танками. Весьма характерный факт, проливающий свет на многое, что пришлось нам тогда пережить на фронте.

Летом и осенью 1941 года в условиях жестокой нехватки танков мы, естественно, не занимались воссозданием механизированных корпусов, а формировали отдельные полки, танковые батальоны и постепенно нащупали наиболее правильную организационную форму – танковую бригаду.

Потом, когда у нас появились первые материальные возможности и начали восстанавливаться кадры танкистов, мы на основе танковых бригад стали создавать корпуса трехбригадного состава. В бригаду входило шестьдесят – семьдесят танков, артиллерийский дивизион, мотобатальон. Это сравнительно небольшое и гибкое соединение представлялось нам в то время наиболее целесообразным: позволяло эффективно применять танки на поле боя, четко управлять ими, а также организовывать техническое обеспечение, восстановление и ремонт техники.

Затем, накопив кадры и технику, мы в сорок втором году стали создавать танковые и механизированные корпуса и армии. Танковые армии, как правило, трех-, а в отдельных случаях – двухкорпусного состава.

Война есть война, и, разумеется, количество танков в танковой армии или корпусе меняется – и в разные периоды войны, и в разных операциях, да и в ходе самих операций.

Но чтобы читатель мог представить реальное соотношение сил – наших и противника, – он должен иметь в виду вот что: когда говорится, например, что в таком-то сражении, на таком-то участке нашей танковой армии противостоял немецкий танковый корпус, то это совсем не означает трехкратного превосходства наших сил, исходя из схемы «три корпуса против одного». В период своего расцвета, скажем, к 1943 году, полнокровный немецкий танковый корпус из трех дивизий имел около шестисот-семисот танков, то есть примерно столько же, сколько имела в своем составе наша танковая армия.

Скажу уж, кстати, поскольку заговорил об этом, что соответствующие поправки при сравнении корпуса с корпусом, дивизии с дивизией следует вносить, когда мы ведем речь и о пехоте. Численный состав немецко-фашистской пехотной дивизии на протяжении значительного периода войны соответствовал составу примерно двух наших стрелковых дивизий.

Конечно, в ходе войны это соотношение менялось. После каждого очередного разгрома гитлеровцы с большим трудом восстанавливали свои части. Но еще в 1944 году, и даже на пороге 1945-го, это соотношение все еще сохранялось примерно в той же пропорции.

Несколько слов о технике. Подавляющее большинство танков, с которыми мы начинали войну – Т-26, БТ-5, БТ-7, – были быстроходны, но слабо вооружены, с легкой броней; они легко горели и вообще были ненадежны на поле боя. Немецкие средние танки во многом

превосходили их по своим боевым качествам. Наши «тридцатьчетверки» даже с 76-миллиметровым орудием, которое они имели вначале, были гораздо лучше тогдашних немецких танков. Но беда в том, что «тридцатьчетверок» перед началом немецко-фашистского наступления на Москву у нас на всем Западном фронте было, как я уже сказал, всего сорок пять штук.

К 1943 году наши танковые соединения уже имели на вооружении не устаревшие БТ, а «тридцатьчетверки», которые показали себя такой грозной силой, что противник вынужден был противопоставить нашим танкам новые типы боевых машин. Так появились «тигры», «фердинанды», «пантеры», а впоследствии и так называемые «королевские тигры».

Новые вражеские танки и самоходки были хорошо вооружены, имели 88-миллиметровую пушку с высокой начальной скоростью и мощным зарядом. Артиллерийская мощь сочеталась у них с сильной броневой защитой. Уже в первых боях с ними нашим танкам, в том числе и «тридцатьчетверкам», пришлось туго. Для сопровождения и обеспечения их мы стали выдвигать вперед, в боевые порядки пехоты, а также в боевые порядки танковых частей, 122-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые пушки-гаубицы; они были способны пробить прочную лобовую броню «тигров» и «фердинандов».

С особым интересом я обычно наблюдал за действиями нашей 122-миллиметровой пушки. Она превосходно расстреливала немецкие танки, тем более что «тигры» и «фердинанды» не обладали высокой маневренностью. Опыт борьбы этих орудий против новых немецких танков подсказал необходимость создания новых мощных танков и самоходок типа СУ-100, ИС и ИСУ, соответственно вооруженных 100- и 122-миллиметровыми пушками и 152-миллиметровой пушкой-гаубицей.

Именно этот наш тяжелый танк и тяжелая самоходка стали впоследствии владычествовать на поле боя. Они были грозой для всех немецких танков и самоходных орудий, в том числе и для появившихся у немцев в 1944 году «королевских тигров».

«Королевские тигры» были еще более мощными и еще менее маневренными машинами, чем простые «тигры» с 100-миллиметровым орудием. На сандомирском плацдарме мы захватили их целый батальон, машин пятнадцать – двадцать, целыми и невредимыми.

Как я уже упоминал, готовясь к Висло-Одерской операции, танковая армия Лелюшенко практиковалась на этих «королевских тиграх», проводила на них, так сказать, всю предоперационную научно-исследовательскую работу.

Говоря же о нашей боевой технике, хочу еще раз помянуть добрым словом самый замечательный наш танк Т-34. «Тридцатьчетверка» прошла всю войну, от начала до конца, и не было лучшей боевой машины ни в одной армии. Ни один танк не мог идти с ним в сравнение – ни американский, ни английский, ни немецкий. Его отличали высокая маневренность, компактность конструкции, небольшие габариты, приземистость, которая повышала его неуязвимость и вместе с тем помогала вписываться в местность, маскироваться. К этому следует добавить высокую проходимость, хороший двигатель, неплохую броню. Правда, сначала у Т-34 была недостаточно сильная пушка. Когда же вместо нее поставили новое превосходное 85-миллиметровое орудие, то этот танк поражал все вражеские машины, за исключением «королевского тигра».

До самого конца войны Т-34 оставался непревзойденным. Как мы были благодарны за него нашим уральским и сибирским рабочим, техникам, инженерам! Хочется вспомнить славные имена создателей наших боевых машин: конструктора тяжелых танков Котина и замечательного конструктора «тридцатьчетверок» Морозова...

Но вернемся к Берлинской операции.

Для большей наглядности и ясности изложения событий, которые развертывались в последующие дни, пожалуй, есть смысл прибегнуть к календарю, и сейчас, задним числом, составить своего рода дневник всех этих событий последовательно, по числам.

19 апреля

Армии Рыбалко и Лелюшенко продолжали наступление на Берлин. Рыбалко за этот день продвинулся с боями на тридцать – тридцать пять километров. Лелюшенко наступал еще стремительнее и к вечеру продвинулся на пятьдесят километров.

13-я армия Пухова, обеспечив ввод в прорыв Лелюшенко и Рыбалко, вслед за ними успешно продвигалась на запад. В центре прорыва ее войска глубоко вклинились в расположение немцев. Но на обоих флангах армии по-прежнему висели крупные группировки противника: справа – в районе Котбуса и слева – в районе Шпремберга. Поэтому армии пришлось вести бои одновременно и фронтом на запад, и фронтом на север, и фронтом на юг. Вдобавок были получены данные о том, что в тылу 13-й армии обнаружено передвижение не разгромленных в первые дни группировок противника.

С утра Николай Павлович Пухов выразил мне по этому поводу свое беспокойство.

В середине дня я приехал к нему на наблюдательный пункт. Нарочно проехал как раз по центру его полосы наступления и ни на какие группы противника – ни на крупные, ни на мелкие – не наткнулся. Слухи оказались преувеличенными, и при встрече с Николаем Павловичем мне пришлось намекнуть ему на то, чтобы он поменьше им верил. Начал с того, что отдал должное действиям его армии, которая превосходно выполнила задачу первых трех дней и обеспечила успешное развитие маневра танковых армий; затем пожелал Пухову, чтобы смелое продвижение вперед не вызывало у него беспокойства.

– Помните, что впереди вас уже танковые армии, – сказал я ему. – Вам теперь остается действовать в соответствии с тем стремительным темпом наступления, который они взяли, и обеспечивать их фланги и тыл. А о том, чтобы обеспечить ваши фланги и ваш тыл, позаботимся в свою очередь мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.